

Мара Вульф

Тысяча
жизней
подраг

Young Adult. Немецкие фэнтези-бестселлеры Мары Вульф

Мара Вульф

**Тысяча жизней подряд.
Вечности недостаточно**

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(4Гем)-44

Вульф М.

Тысяча жизней подряд. Вечности недостаточно / М. Вульф —
«Эксмо», 2019 — (Young Adult. Немецкие фэнтези-бестселлеры
Мары Вульф)

ISBN 978-5-04-115744-9

Есть три вещи, в которых Саша абсолютно уверена: 1. Она откажется от своего предназначения. 2. Она никогда не станет подвергать опасности своих близких. 3. Она навсегда откажется от магии души, которая изменила ее жизнь. Однако все меняется, когда в жизни Саши появляется таинственный юноша по имени Седрик дэ Грей. Загадочный знакомый всегда оказывается рядом в трудную минуту и приходит на помощь, когда девушке грозит смертельная опасность. Саша начинает понимать, что это не простые совпадения. Однако чтобы узнать кем является Седрик на самом деле, девушке придется открыть магию своей души и подвергнуть близких невероятной опасности. Но только так она сможет спасти того, кто становится ее спутником в каждой из тысячи жизней.

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-04-115744-9

© Вульф М., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Пролог	8
Глава 1	11
Глава 2	23
Глава 3	49
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Мара Вульф

Тысяча жизней подряд. Вечности недостаточно

*Мне очень хочется, чтобы каждый из вас однажды нашел свою
родственную душу. Удачи в поисках.*

Ваша Мара Вульф

© Косарим М., перевод на русский язык, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Подернутое дымной поволокой,
Знакомое мне чуждым станет вдруг.
И звезды в небе, где-то там, высоко,
Мечтательную душу призовут.

И окружение новое мне странно,
И мир, сформировавшийся вокруг, мне нов.
Так, словно в мудреце тщеславном
Младенец прячется, свободный от оков.

Но озарит меня внезапная догадка,
Подобно свету от сияющей звезды —
След предыдущего рожденья:
Пространства никогда и не были пусты.

Душа склонится и воспрянет снова,
Вдыхая бесконечности миров,
И из обрывков нитей тонких
Сплетается наряд Богов.

Герман Гессе

Первоначальная душа

Иерархия Магии душ

Люди

Их души берут
свое происхождение
от первоначальной
души и проживают
тысячу жизней,
прежде чем
возвратиться
обратно.

Просветленные колдуньи

Живут и умирают, подобно
людям, однако имеют
способность по собственному
желанию перемещаться
во времени и пространстве.
Несут ответственность
за защиту первоначальной
души.

Охотники за душами

Поглощают души
людей, стремясь
обрести бессмертие.
Не могут
путешествовать
во времени.

Душeliшeнныe

Люди, души которых
были похищены. Чтобы
выжить, им приходится
красть души у других
и становиться охотниками
за душами.

Проклятые

Люди, причинившие вред
Просветленной колдунье.
Им не дарована полноценная
жизнь: они могут проживать
только определенные
временные отрезки, в течение
которых могут попытаться
снять свое проклятие.

Странники

Наполовину — люди,
наполовину — джинны,
ангелы, демоны
или вампиры.
Странники бессмертны
и проникают сквозь
время как им
угодно.

«Путешествия заканчиваются встречей влюбленных».
Уильям Шекспир (1564–1616)

Пролог

Шотландия, 2 августа 2011 года

Прошлое

Даже рев мотора не мог полностью заглушить плач мамы. Папины попытки утешить ее не увенчались успехом.

– Так будет лучше, – шептал он. – У твоей матери Саша будет в безопасности. Мы должны думать и о мальчиках, а она подвергает Адама и Эндрю опасности. Мы не сможем защитить Сашу так, как это ей необходимо.

– Но ведь еще слишком рано, – всхлипнула мама. – Ее дар пока нельзя выставлять напоказ. И девочка не может его контролировать.

– И именно поэтому мы поступаем правильно, – прервал ее отец. – Я хочу, чтобы моя дочь могла вести относительно нормальную жизнь, и если для этого мы должны с ней расстаться, то пусть так и будет. Нам следует в первую очередь думать не о себе, а о Саше.

Сидя на заднем сиденье машины, я вслушивалась в их знакомые голоса и пыталась вылепить из сияния души, что струилось из моих пальцев, сверкающий шар. Удовлетворившись размерами и прочностью сферы, я сделала так, что она засияла всеми цветами радуги. А потом слегка подбросила шар в воздух. Он ударился о потолок машины и рассыпался на множество сверкающих стрекоз, которые разлетелись по всему салону автомобиля.

Мама повернулась ко мне. Ее глаза расширились от ужаса.

– Прекрати, дорогая! Тебе нельзя этого делать! Сколько раз мне повторять?

Мне было всего десять лет, но тот ее голос я точно помню до сих пор. В нем сквозила паника, которую мама изо всех сил пыталась подавить, и я скорчила гримасу, потому что не могла понять, в чем причина ее волнения. Она постоянно призывала меня скрывать мой дар. При этом никто из моих друзей не мог похвастаться, что умеет делать что-то настолько классное! И все же я заставила шар в моих руках обратиться в пыль.

– Все, порядок, – буркнула я. – Мне скучно. Я хочу домой. Что я буду делать с бабушкой и дедушкой на этом необитаемом острове? Без вас!

Я злилась на них обоих и всеми силами стремилась это показать. Родители должны об этом знать!

Глаза мамы снова наполнились слезами. Она протянула руку, чтобы погладить меня по колену, как вдруг в нашу машину врезался другой автомобиль. Нас прижало к перилам моста, и они, не выдержав, рухнули. Вместе с нашей машиной, которая, слетев вниз, с размаху вонзилась в водную гладь. Я кричала, звала своих родителей, но ответа не было. Вода проникала в салон сквозь разбитую дверь с моей стороны, а автомобиль все еще раскачивался на волнах, медленно погружаясь в глубину. Пытаясь разбить стекло, я изо всех сил колотила по нему кулаками. Напрасно.

И тут я увидела их. Серые призраки, похожие на огромных летучих мышей, парили вокруг машины. Один из них прижался лицом к окну. Я заглянула в черные бесчувственные глаза. Кожа, не толще папиросной бумаги, натянулась на безволосом черепе, а на месте рта и носа зияли черные дыры. Гнилостный запах пополз сквозь щели. Заостренные ногти царапали стекло. Я застыла, не в силах пошевелиться или закричать. Даже тогда, когда существо с виз-

гом улетело, и вода сначала дошла до моей талии, а потом и до груди. От страха меня словно парализовало.

Там, снаружи, меня поджидали охотники за душами. Они нашли меня. Должно быть, их привлекло сияние моей души. Они меня учуяли.

Бабуля часто предупреждала меня о них. Если им удастся меня поймать, они расколют мою душу и разделят ее между собой. Потому что это и было тем, чем занимались охотники за душами, именно это ими двигало: эти существа похищали души других людей, чтобы выжить.

Меня затрясло. Вода уже доходила мне до самого подбородка. В панике я лихорадочно нащупывала ремень безопасности, стремясь освободиться. И тут стекло в моей двери лопнуло. Вода хлынула сплошным потоком, но я разглядела руки, потянувшиеся ко мне. И папино лицо. Я заглянула в его широко распахнутые глаза и задержала дыхание, когда машина полностью ушла под воду. Папа вытащил меня через разбитое окно. Все будет хорошо. Острые края разбитого стекла рассекли мое лицо. От внезапной боли я вскрикнула, захлебываясь водой. Папа подтолкнул меня вверх, и я вырвалась на поверхность, хватая ртом воздух. Течение реки несло меня вниз. Я отчаянно била ногами по воде и что-то кричала ему. Каким-то образом мне удалось ухватиться за низко висящую ветку. Но сил, чтобы подтянуться, у меня уже не было. Мокрые пальцы скользнули по коре, и я громко разрыдалась. Если я отпущу эту ветку, то умру.

Сильная рука схватила меня и потащила к берегу. Я упала в мягкую траву, отплеываясь от воды.

– Мой папочка, – простонала я. – Он все еще где-то там. И моя мама – тоже. – Я дрожала всем телом, плакала, захлебываясь слезами. – Пожалуйста. Мы должны их спасти, – все же удалось выговорить мне.

– О твоих родителях я позабочусь чуть позже, малышка.

Я подняла голову и заглянула в глубокую бездну черных безжизненных глаз. У мужчины были впалые щеки и тонкие редкие волосы.

– Нет, – беззвучно прошептала я. – Нет.

Это просто невозможно. Такого не могло быть. Только не он.

– Ты ведь знаешь, кто я, не так ли? – Его вкрадчивый голос словно манил меня.

Конечно, я знала. Передо мной стоял Лазарь Риммон, самый главный и самый могущественный охотник за душами. Бабуля рассказывала, что он прятался в старинном замке где-то во Франции, заставляя своих доверенных лиц доставлять ему туда похищенные души. Но, видимо, он покинул замок, раз теперь находился здесь, передо мной.

Моя нижняя губа начала дрожать, и холод, пуще того, что исходил от мокрых вещей, прилипших к телу, сковал все мое существо, превратив кровь в лед.

Мужчина глубоко втянул в себя воздух, и я знала, что он может ощущать запах моего страха.

– Все произойдет очень быстро, – прошептал он. – Тебе не будет больно, обещаю. Ты ничего не почувствуешь.

Его рот растянулся в улыбке. Он не выглядел таким же призрачным, как другие охотники. Лазарь Риммон был намного человечнее. Его сущность выдавали только пустые черные глаза, в которых не было жизни.

– Я так долго ждал тебя.

Голос охотника звучал почти изумленно.

Дрожа, я отступила назад. Я не могла отдать ему свою душу. Если охотник получит ее, то сможет жить еще сто лет или даже больше. Да, я была еще молода, но энергия моей души многократно превышала энергию души простого смертного. Должно быть, она являла для главного охотника бесконечное очарование.

Позади меня раздался какой-то шум. Если сейчас здесь появятся другие охотники, то мои шансы выжить станут равны нулю. Но это был мой папа. Он вылез из воды и сейчас направ-

лялся к нам. В его взгляде отражались гнев, отвращение и ненависть. Он спасет меня. Внезапно мои ноги подкосились, и я упала на колени.

Папа подхватил меня и заставил снова принять вертикальное положение.

– Беги, солнышко! – произнес он каким-то совершенно чужим голосом. Никогда раньше я не слышала, чтобы папа так говорил. – Беги так далеко, как только сможешь.

Что-то яркое сверкнуло в руке отца, когда он повернулся к Лазарю, губы которого искривились в надменной улыбке.

– Значит, сегодня я заберу две души, – снисходительно заявил охотник. – Одну – у колдуньи, другую – у защитника.

Я вскочила и рванулась прочь, когда папа напал на него.

Прохожие нашли меня на следующее утро. Я лежала на берегу без сознания, в нескольких милях от места крушения. Мама утонула в машине, а отца так и не нашли. Когда я спустя несколько дней пришла в себя, то находилась в больнице, а бабушка и дедушка сидели у моей постели. Немного восстановившись, я отправилась вместе с ними в Олдерни¹. На этом крошечном клочке суши в проливе Ла-Манш мы жили, как на всеми забытом острове. Местных поселенцев здесь было мало, а туристы редко забредали сюда, потому что добраться до Олдерни было невероятно трудно. Штормы, скалы и непредсказуемое море, отрезав остров от внешнего мира, удерживали охотников за душами в стороне от нас.

В мой первый день на Олдерни я поклялась себе, что в будущем стану подавлять свой дар. Я закрою магию внутри себя. Просветленная колдунья могла выбрать для себя такой путь. Мы рождались со своим предназначением, но это вовсе не означало, что мы обязаны были принимать на себя исполнение этой задачи.

А мне магия и так уже слишком дорого обошлась. И я не была готова принести ей в жертву еще больше. Всего несколько минут – и из-за нее я потеряла родителей, братьев и дом.

Папа хотел для меня нормальной жизни, и именно такую жизнь я собиралась вести. Мои родители погибли – и в этом была виновата я. Дар разрушил не только мою жизнь, но и жизнь моих младших братьев.

Мне было безразлично, что души моих родителей скоро возродятся и начнут жить новой жизнью. Не важно, что их души потом не вспомнят обо мне. Я лишь хотела, чтобы они гордились мной, поэтому я должна была выполнить последнее желание моего отца.

До сегодняшнего дня я соблюдала эту клятву.

¹ Олдерни (*англ.* Alderney) – третий по величине остров Нормандских островов, расположенный в проливе Ла-Манш на расстоянии 160 км к югу от Великобритании и 32 км к западу от Франции (*здесь и далее прим. перев.*).

Глава 1

Восемь лет спустя

Олдерни, 25 августа 2019 года

Настоящее

Звезды отражались на поверхности залива Сэй Бэй, а я, не отрываясь, смотрела на горизонт. Не пройдет и часа, как лиловый свет поползет по четко очерченной кромке моря, и наступит новый день. Мое настроение, которое давило на меня еще до того, как я сорвалась на пробежку, по-прежнему было мрачным и хмурым. Я надеялась, что утро принесет мне облегчение. Меланхолия и печаль были нормальными побочными эффектами того, что я пыталась запереть в себе свою душевную магию. Обычно бег помогал мне справиться с этими проблемами. Магия ослабевала от равномерных движений. Однако сегодня ночью она крепко вцепилась в меня. Пальцы ног и рук охватил нестерпимый зуд, и если бы я ничего не предприняла, волшебство брызнуло бы из меня потоком искр. Несколько смущающее зрелище для обычных людей, но, к счастью, они не выходили погулять среди ночи. Мороз охватил мои руки, хотя погода была удивительно теплой для конца августа, и волосы на моем теле приподнялись, подобно маленьким громоотводам.

Еще одно предвестие. Я потеряла ладони друг о друга, стараясь снять напряжение.

– Я смогу это контролировать, – прошептала я ветру. – Я справлюсь.

Но мы с ветром знали, что это не так, и мне даже показалось, что я слышу его тихий смех. Будь я обычной девушкой, я лежала бы сейчас в своей постели. Как бы мне хотелось этого! Я ужасно устала. Устала от бесконечных попыток избежать уготованной мне судьбы. К сожалению, сегодня ночью мне поспать пока не пришлось, потому что в маленьком тесном домике, где мы с бабушкой жили вместе с Мегги – самой молодой послушницей Круга Просветленных, – сегодня готовились к торжествам для Мабона². Я не хотела иметь к этому никакого отношения. У меня не было ни интереса к языческим обрядам, ни желания участвовать в обсуждении того, хотим ли мы на этот раз провести празднование в 1083 или в 1756 году или еще когда-то, потому что я все равно никуда не собиралась отправляться. Я ненавидела путешествия во времени. Мне хватало того, что я была постоянно занята предотвращением незапланированных временных скачков, поэтому добровольно изменять время своего пребывания я не собиралась.

Ни одна из моих сестер – членов нашего Круга – этого не понимала. Как бы то ни было, до сих пор я была единственной Просветленной колдуньей, которой при перемещении во времени становилось настолько плохо, что меня рвало. Обычно крепкий желудок выделял такие сумасшедшие кульбиты, что было совсем не смешно, когда я приземлялась в незнакомом времени и меня тошнило прямо кому-то под ноги.

Я вздохнула, стараясь дышать равномерно. Концентрированная энергия всех Просветленных, которые на протяжении веков посещали это время, пробуждала во мне беспокойство, и попытки освободиться от своей собственной магии были близки к провалу. За несколько

² Мабон – осенний праздник Колеса года, середина осени, праздник равновесия, приходится на осеннее равноденствие, празднуется 21–24 сентября.

часов я перебежала весь остров вдоль и поперек. Безрезультатно, как я теперь вынуждена была признать. Казалось, энергия моей души только набирала силу. Я не знала, что еще должна была сделать, чтобы избавиться от нее. Это доводило меня до отчаяния.

За прошедшие годы я уже перепробовала множество методов. Но ни один из них не работал постоянно. При этом я получила настолько замечательное образование, что любая Просветленная колдунья могла только мечтать о подобном. После начальной школы меня обучали подруги моей бабули.

Они позаботились о том, чтобы я освоила все возможные техники защиты, научилась распознавать зрелость душ, избавлять Душелишенных, свободно говорила по-французски и знала все о каждом хоть сколько-нибудь значительном событии мировой истории. Я даже выучила наизусть проклятый кодекс Круга, в котором были записаны права и обязанности Магии Душ.

Ничего, что было бы полезно в обычной жизни, но для Просветленной колдуньи – незаменимо.

И все же, двум элементарным вещам я, к сожалению, так и не научилась. Я не могла владеть своей магией настолько, чтобы заблокировать ее внутри себя. И я не могла цивилизованно перемещаться во времени. Бабушка не могла объяснить, почему мне это не удастся. Хотя я очень старалась. Но эта неспособность только укрепляла мое намерение не использовать магические силы моей души в этой жизни. Никто не мог заставить меня следовать моему предназначению. У каждой души было право самостоятельно выбирать свою судьбу. Я вытянула руку вверх, рассматривая нежное мерцание на своей коже. Разочарованная, я стерла сверкающие частицы, и они превратились в крошечные пылинки, которые разлетелись по ветру, как светлячки. В этом не было ничего хорошего. Совсем ничего.

Круг Просветленных существовал с XII века, и колдунья, достигшая восемнадцатилетнего возраста, могла туда вступить. Я не вошла в него и не собиралась делать этого в будущем. Как бы Селина Монтегю, Глава Круга, ни лезла из кожи вон. Она основала этот Круг вскоре после того, как ее сестру-близняшку, Стеллу Монтегю, захватил Лазарь Риммон. Ему удалось похитить и раздробить душу Стеллы. Селина устроила на него безжалостную охоту и преследовала до тех пор, пока ей не удалось найти осколки души Стеллы и спасти их от Мрака и проклятия. Правда, душа Стеллы так и не возродилась, но, по крайней мере, найденные осколки вернулись в Первоначальную душу.

Каждая душа, живущая на земле, в какой-то момент возникла из этой Первоначальной души, чтобы родиться в человеческом теле. Когда тело умирает, душа умершего переселяется в новорожденного. Задача души состоит в том, чтобы накопить опыт и созреть, проживая различные жизни. И только после тысячи прожитых жизней она возвращается, чтобы снова слиться с Первоначальной душой и обогатить ее своим знанием.

Стелла же, хоть и не прожила тысячу жизней, по крайней мере, не была потеряна во Мраке – месте, куда уходили души, взвалившие на себя тяжкую вину, уничтоженные или проклятые, души, которые не могли вернуться к началу.

За такой героический поступок Селину теперь почитали как святую. Ведь в схватке с Лазарем она рисковала своей собственной душой. Чтобы избежать участи Стеллы, с тех пор Просветленные колдуньи селились вместе, небольшими группками, потому что против магии нескольких из нас Лазарю было намного труднее сражаться. И все же он по-прежнему был нашим самым серьезным противником. Каждая душа, захваченная им и его охотниками, была потеряна для Первоначальной души, а значит, и для ее опыта и знаний. С незапамятных времен перед Просветленными стояла задача не допускать этого.

Где-то рядом раздался усталый крик северной олуши³, и этот звук вырвал меня из раздумий. Нужно пойти искупаться. Возможно, холодная вода и равномерные плавательные движе-

³ Северная олуша – крупная морская птица семейства олушевых, распространенная в Северной Атлантике. Наиболее

ния откроют клапан для моей взбудораженной магии. Внутренний голос предупреждал меня о том, что я собираюсь сделать нечто ужасно неразумное, но я его проигнорировала. Я плескалась в отчаянии. Ночью море могло быть коварным и непредсказуемым. Только сегодня я была готова пойти на такой риск. Я плавала очень хорошо и надеялась, что после этого почувствую себя лучше. Выскользнув из свитера и стянув легинсы, я вбежала в холодную воду и нырнула, стиснув зубы и рассекая глубины размашистыми движениями рук и ног. Уже через несколько мгновений я ощутила, что мое напряжение начинает ослабевать. Накопившаяся магия испарилась, оставив воду вокруг меня мерцать теплым сиянием. Я вздохнула с облегчением, почувствовав, как волшебство струится из меня. В какой-то момент я перевернулась на спину и позволила своему телу свободно раскачиваться на волнах. Морские просторы казались такими мирными, что я предпочла бы остаться здесь навсегда. Я закрыла глаза, наслаждаясь спокойствием, которое распространялось во мне.

До тех пор, пока меня вдруг не накрыла мощная волна. Я, отфыркиваясь, выпрямилась. Пляж был довольно далеко: течение уже донесло меня почти до самого выхода из бухты. Если меня вынесет в открытое море, я не смогу вернуться. Я прекрасно понимала это. Начинаясь отлив и беспокойное море были не самой подходящей комбинацией для того, чтобы оставаться здесь. Энергичным кролем я поплыла обратно к берегу.

Эта сторона острова была известна своими бурными приливами, и даже если залив Сэй Бэй предоставлял определенную защиту, сейчас я находилась слишком далеко от берега. Сколько бы усилий я ни прилагала, вода снова и снова тянула меня назад: вперед я продвигалась медленно и с большим трудом. Мои руки и ноги устали, хотя на самом деле пловцом я была очень выносливым, но, конечно, не тогда, когда до этого уже успела пробежать трусцой около десяти миль. Еще одна волна обрушилась на меня и потянула вниз.

Я захлебнулась водой и закашлялась. Я не должна была утонуть. Ни в коем случае. Дедушка перевернулся бы в могиле. Он приложил столько усилий, чтобы обучить меня плаванию. Для него было особенно важно, чтобы я преодолела свой страх перед водой, оставшийся у меня после аварии. И вот теперь я разочаровывала его из-за своей неосторожности. Ветер подул с востока, и волны стали сильнее. Я пыталась не сбавлять темпа движений, но истощение ощущалось уже в каждой косточке моего тела.

Поэтому я заставила себя плыть медленнее. Если мои ноги сведет спазм, я пропала. Хотя и просто двигаясь так, как сейчас, я ничего не могла противопоставить силе разбушевавшегося моря. Снова на меня нахлынула волна, и я пошла вниз. Меня охватила паника, и я задержала дыхание. Неужели смерть дала мне лишь небольшую передышку? Неужели эта жизнь никогда не предназначалась мне? Вообще неудивительно. В самом деле, до сих пор мне ни в чем не было удачи. Новая волна заглотила меня, потянув на глубину. Давление на мои легкие становилось все более невыносимым, пока мне не начало казаться, что они вот-вот лопнут. Я в панике барахталась в толще воды, двигая руками и ногами в попытках выбраться на поверхность, но у меня не было никаких шансов.

Я погружалась все глубже и глубже. Длинные волосы обвили мое лицо, и я закрыла глаза. Если так и должно быть, то, может быть, моя следующая жизнь будет более милосердной. Иногда жизнь просто не подходила душе. Узнает ли когда-нибудь бабуля, что со мной случилось?

Ненавистный вихрь в голове дал о себе знать без всякого предварительного уведомления. Пожалуйста, только не это! Но было уже поздно. Бирюзовое сияние души просочилось из кончиков моих пальцев, смешиваясь с водой. Я почувствовала интенсивное пощипывание и покалывание в животе, предшествующее незапланированному скачку во времени, и оно становилось все сильнее. Тошнота поднималась вверх по моему пищеводу, все вокруг завертелось, и я катапультировалась, перенеслась куда-то, куда совсем не желала попасть. Все произошло

так быстро, что я даже не успела ухватиться за спасительный душевный якорь, болтающийся у меня на шее. Я носила этот амулет, чтобы избежать непредвиденных скачков во времени и привязать себя к этой жизни. Кажется, я и в самом деле была самой паршивой колдуньей всех времен.

А потом я ощутила, что сижу в колючем коричневом шерстяном платье на деревянном стуле. Мои руки оказались связанными за его спинкой, а плечи болели. Просветленные колдуны могли перемещаться в любое время. При этом они либо напрямую возвращались в одну из своих предыдущих жизней и сливались там со своим прежним «я», либо оказывались в каком-то времени и месте по своему выбору, где раньше им не приходилось жить. Тогда им следовало заранее приспособиться к этому времени, чтобы не выделяться. Теперь я, очевидно, оказалась в одной из своих прошлых жизней и слилась со своим прежним телом. Хорошая новость. В XIII, да, пожалуй, и в XVIII веке было бы трудно объяснить появление на улице наполовину обнаженной девушки в спортивном нижнем белье. Плохой новостью было то, что вокруг меня было множество мужчин. И все они кричали на меня. Брызгающие слюной рты, изможденные лица и ненавидящие глаза встречали меня везде, куда бы я ни повернулась. В чем меня обвиняли, было понятно и без их воплей.

– Колдовство запрещено, – прошипел один из мужчин мне прямо в лицо, и, когда его хриплое дыхание коснулось меня, я почувствовала себя еще хуже. Я подавила рвотный рефлекс.

– Она – посланница Сатаны, – обличал меня другой. – Мы должны уничтожить ее, иначе она произведет на свет его потомков.

Я мучительно раздумывала, что же сотворила такого, что все они считают меня ведьмой. Неужели и в этой жизни я недостаточно овладела своей магией? Я огляделась вокруг. Должно быть, мы находились в церкви и каком-то общественном здании. Передо мной выстроились скамейки, на которых сидели перепуганные женщины и дети. Никто из них не поможет мне. Кто-то рванул меня за волосы, а потом густой рыжий локон упал мне на колени.

– Нужно проверить, нет ли на ней дьявольской метки⁴, – закричала какая-то старуха из рядов зрителей. Я, конечно, не собиралась позволять этим неряшливым типам прикасаться ко мне. При мысли об этом мне стало так плохо, что я наклонилась вперед, и меня и в самом деле стошнило. Они ведь не хотели ничего другого. Холодная дрожь сотрясала меня, и я, задыхаясь, хватала ртом воздух. Черт. Черт. Черт. На этот раз у меня действительно были проблемы.

– Мы подвергнем ее ведьминому испытанию⁵, – раздался значительно более цивилизованный голос. Я повернула голову в сторону говорящего и обнаружила священника. Его черные бесчувственные глаза были слишком хорошо знакомы мне. Лазарь Риммон! Так это он натравливал людей? Сколько жизней он преследовал меня на самом деле? Я не видела главного охотника за душами с детства, но его взгляд навсегда запечатлелся в моей памяти. Он выглядел так же, как и тогда, только щеки его были не такими впалыми, а волосы – совсем не редкими. Казалось, в этом времени он не испытывал недостатка в душах, которые мог поглощать. Вот он подошел ко мне, и темная прядь волос, выбившаяся из прически, упала мужчине на лоб. Лазарь Риммон, бесспорно, был очень привлекательным мужчиной, и в это время женщины, вероятно, добровольно предлагали ему свои души. Подушечкой указательного пальца охотник провел по моей щеке. При этом он торжествующе улыбался, с наслаждением вдыхая мой аромат. Страх пронзил меня насквозь. Охотники за душами не могли перемещаться во

⁴ Дьявольская метка, метка дьявола, пятно ведьмы – так в Средние века называли родимые пятна в определенных местах тела. Обязательной особенностью этих «меток» является то, что они абсолютно нечувствительны к боли (например, к уколам иглой).

⁵ В данном случае имеется в виду испытание водой. Свидетельством невиновности являлось погружение подозреваемой в воду (вплоть до утопления) – считалось, что вода, как стихия чистоты, не примет «нечистого человека». Соответственно, если подозреваемая всплывала, это свидетельствовало о ее принадлежности к ведьмам.

времени. Они попросту были бессмертны, пока имели возможность поглощать свежие души. Лазарь Риммон не знал, что в будущем мы встретимся снова. Но если он похитит мою душу сегодня, моего будущего не станет. Мне нужно было что-то предпринять. Хоть что-нибудь. Насколько сильна была моя магия в этой жизни?

Палец Лазаря был холоднее льда. Сколько еще невинных душ он заберет в будущем? Такая долгая жизнь казалась чем-то необычным даже для охотника.

– Испытание мы проведем прямо сейчас! – громогласно объявил он, выпрямляясь. – Мои подопечные заслужили небольшое представление. Не правда ли?

Толпа разразилась одобрительными аплодисментами. Женщины слушали его с открытым ртом. И я даже не могла их в этом винить. Священник был красивым мужчиной и, по видимому, обещал им искупление всех их грехов. Лазарь перерезал стянувшие меня веревки и сдернул со стула. Потом охотник схватил меня за одну руку, а второй мужчина грубо сжал другую. И они выволокли меня из здания.

Темная ночь окружила нас. Орущая толпа людей двинулась следом, потрясая зажженными факелами. Мне непременно нужно было вернуться назад во времени или применить свою магию. Я попыталась нащупать ее, но не смогла. По крайней мере, не настолько, чтобы ее можно было направить на мое спасение. Может быть, в этой жизни я смогла заблокировать магию в себе? Если это так, то теперь это может означать мою смерть. Я извивалась в попытке освободиться, но хватка Лазаря лишь усиливалась.

– Будь умницей, признайся добровольно, – тихо прошептал он мне на ухо. – Тогда твоя смерть будет легкой.

– Забудь об этом, – прошипела я в ответ. – Я скорее позволю сжечь себя, чем ты получишь мою душу.

Лазарь улыбнулся, и его глаза сверкнули, когда он произнес свои следующие слова.

– Еще раз ты не сгоришь, малышка. Я слишком долго ждал этого дня.

Внезапно охотник остановился и, прежде чем я успела подумать над его словами, без лишних церемоний толкнул меня в ледяной вонючий пруд. Я захлебывалась стоячей водой, барахталась изо всех сил и хватала ртом воздух, когда мне наконец удалось удержать лицо над поверхностью воды. Лазарь стоял на берегу и улыбался. Вес толстой шерстяной ткани платья, пропитанного водой, снова потянул меня на глубину, словно камень, привязанный к моей шее. Я панически пыталась сосредоточиться. Когда они вытащат из воды мое ослабевшее тело, Лазарь без труда сможет заполучить мою душу. Некоторые из таких незапланированных скачков во времени длились всего несколько минут, другие – час. Прежде я всегда возвращалась назад, но никогда еще не находилась в такой опасности. Я должна была вернуться в свое время, но проблема состояла в том, что я так и не научилась целенаправленно перемещаться в одиночку.

Именно это происшествие и стало для меня роковым. Прямо сейчас, в этот момент, в своей настоящей жизни я тоже тонула, но утонуть из-за собственной глупости было не так обидно, как из-за глупости моих близких, которые уверовали в ложь Лазаря. Я изо всех сил двигала ногами и смотрела вверх. Сверкающая молния вспыхнула над поверхностью пруда, и магия души стала ощутимой даже здесь, в воде. Должно быть, другие колдуньи прибыли, чтобы спасти меня. Я не умру! И когда в моей голове все снова закружилось, я, в виде исключения, была рада вновь поприветствовать знакомое ощущение тошноты.

Через несколько секунд вода снова обрела соленый вкус, а вес платья исчез. Зато на своей талии я ощутила прикосновение чужих рук. Меня подтолкнули вверх, и моя голова оказалась над поверхностью воды. Я, захлебываясь, жадно хватала ртом воздух. Неужели я привела Лазаря с собой в свое время? В панике я стала отбиваться что было сил. Я отталкивала его руки от своего живота и пинала его ногами.

Сияние души выстрелило из моих пальцев. Никакого эффекта. Мужчина, к сожалению, обладал немислимой силой.

– Прекрати, – приказал он. – Ты вернулась в свое время. С тобой ничего не случится. Просто глубоко вдохни и расслабься, иначе мы оба утонем.

По всей видимости, он не был ни Лазарем, ни кем-либо из этих ненавидящих ведьм людей Средневековья. Если так, то хорошо. Но тогда кем он был? Ни один нормальный человек не бросился бы в такое беспокойное море, чтобы спасти девушку. Я замерла в его руках, глубоко наполняя легкие прохладным ночным воздухом. Вода тем временем немного успокоилась, но ветер дул еще довольно сильно. Мерцание моей души отступило, покаяние исчезло, а моя спина была прижата к твердому как сталь телу, которое тут же пришло в движение. Я смотрела на луну и такие знакомые созвездия в ночном небе. Еще несколько секунд, и я утонула бы, в каком бы времени ни находилась. По крайней мере, я знала, что Лазарь не получил мою душу в прошлом, иначе в этой жизни меня вообще не было бы. Но почему он тогда преследовал меня?

Однако сейчас мне стоило разрешить совсем другую проблему. Кто бы ни тащил меня в этот момент по волнам к берегу, он знал, кто я и что со мной только что произошло. Охотником он быть не мог, потому что те, как правило, сторонились воды. И ни одно из этих чудовищ не спасло бы меня от утопления. Должно быть, происходящее объяснялось как-то иначе. Волны снова и снова стремились утянуть нас обратно в море, но мой спаситель этого не позволял. Кажется, ему надоело жить, иначе чем еще можно было объяснить его поступок? Почему он бросился в воду вслед за мной? Парень не был охотником и тем более – русалом, потому что ноги у него явно присутствовали. Длинные и мускулистые, они, невзирая на сильное течение, отталкивались от водных глубин и размеренными движениями направляли тело моего спасителя к пляжу. Мои пальцы цеплялись за предплечье его левой руки, которой парень прижимал меня к себе.

В конце концов, какая мне разница, кем или чем он был. Я с огромным облегчением ощущала, что он рядом и поддерживает меня. Тем временем мы достигли берега. Я ощутила под ногами твердую землю, но сильные руки продолжали удерживать меня. Очень кстати, потому что мои ноги были пока не в силах выполнять эту функцию. Какое-то мгновение, которое мне самой показалось бесконечным, я просто наслаждалась ощущением знакомого песка под ногами. Я не погибла. Я снова была дома. Мне хотелось посмотреть на своего спасителя и поблагодарить его, но тут я поняла, что к моему горлу снова подкатывает тошнота.

– Пожалуйста, не надо, – пробормотала я. К сожалению, я проглотила больше соленой воды, чем когда-либо в своей жизни, и мое тело хотело только одного – избавиться от нее прямо сейчас. Опасаясь, как бы меня не стошнило прямо на ноги незнакомцу, я, пошатнувшись, отвернулась от него. Прохладная рука подхватила меня, когда меня вырвало прямо на песок. Мой спаситель убрал волосы с моих щек, и я застыла. Никто и никогда не обнажал левую половину моего лица. Я искренне надеялась, что в тусклом лунном свете он не заметит моих шрамов. Желудок снова скрутило. Незнакомец продолжал терпеливо удерживать меня до тех пор, пока рвота не прекратилась. Теперь я просто дрожала.

– Тебе лучше? – Я почувствовала прикосновение его пальцев к своей шее и пожелала, чтобы мне не пришлось выпрямляться и смотреть на него.

Спаси меня, когда я тону, – одно дело. Оставаться рядом, пока меня рвет, – совсем другое.

– Мы не можем здесь оставаться, – продолжал незнакомец. – Кажется, собирается дождь, а ты сегодня ночью наделала уже достаточно глупостей.

– Что, прости? – Я остановилась. Руки уперты в колени, голова наклонена вниз.

– Ты все поняла. Кто, скажи на милость, ходит купаться в это время суток? На улице ночь, и надвигается непогода.

Каким-то чудесным образом он, не отпуская меня, сумел укрыть мои плечи полотенцем.

– Без тебя знаю, – не так уж и убедительно огрызнулась я. – Нет нужды напоминать мне об этом.

– К счастью, сияние твоей души было достаточно ярким, чтобы я смог его разглядеть, да и ушла ты совсем ненадолго. Вечно ждать тебя я не смог бы, – как ни в чем не бывало продолжал свои обвинения незнакомец, почти не повышая голоса. Казалось, ему просто доставляет удовольствие перечислять мои проступки.

– Я не просила тебя спасти меня. Зачем ты это сделал? Мы оба могли погибнуть.

– Что ж, к счастью, судьба уготовила нам другой конец, – сухо ответил он, не отвечая на мой вопрос. – Хочешь, я понесу тебя? Тебе срочно нужно в тепло.

Его рука погладила мою кожу. Прикосновение незнакомца резко контрастировало с его обвинениями. Я почувствовала тепло. К сожалению, жар бросился только мне в лицо.

– Нет, спасибо. Пожалуй, воспользуюсь собственными ногами, – выпрямилась я. – Если нас кто-нибудь заметит, то моя репутация будет испорчена раз и навсегда.

– Здесь нет никого, кто мог бы тебя увидеть, – еще более недовольным голосом ответил мой спаситель.

– Это так кажется. На этом острове сплетни разносят даже птицы.

Было недостаточно светло, чтобы я могла разглядеть каждую деталь облика своего ночного собеседника, но то, что я увидела, выглядело несколько устрашающе. Несмотря на то что моему спасителю только что пришлось приложить неимоверные усилия, чтобы выбраться вместе со мной из воды, он все еще излучал неиссякаемую энергию.

При малейшем признаке опасности он подхватит меня на руки и унесет. Хотя сейчас, кажется, во мне говорили отголоски моих девичьих мечтаний. Никто здесь никого и никуда не унесет. И все же я замороженно любовалась игрой мышц на его гладкой груди, которая все еще сверкала каплями воды. Я покачала головой и отступила от него на шаг. Он был чужаком, а незнакомцы всегда представляли для меня потенциальную опасность. То ли из-за этого неосторожного движения, то ли от того, что его взгляд с расстояния длиной в метр оказался еще более ошеломляющим, я вдруг потеряла чувство равновесия и пошатнулась. Рука незнакомца тут же метнулась вперед, и он снова притянул меня к себе.

– Ты уверена, что с тобой все в порядке? Может, отвезти тебя к врачу?

Мои руки вдруг легли на его мускулистые плечи, и мне потребовалась вся сила воли, чтобы они не скользнули по гладкой коже вниз. Я даже не поняла, как мои пальцы вообще попали туда.

– Все в порядке. Уже прошло.

– Тогда я сейчас отпущу тебя, – предупредил он меня. Его низкий бархатистый голос совсем сбил меня с толку.

– *Пожалуйста, не надо*, – прошептал неразумный голос в моей голове.

– Хорошо, – произнес мой здравомыслящий рот, за что я была ему очень благодарна.

Отпустив меня, мой спаситель отступил на шаг. При этом он ни на секунду не выпускал меня из виду. Если бы я начала падать, он снова поймал бы меня. Он сделал бы это с неохотой – об этом ясно говорил неодобрительный взгляд парня, – но сделал бы. Тупая головная боль, которая не давала мне покоя целый день, снова заявила о себе. Внезапно мне захотелось лечь спать, невзирая на то, какое количество Просветленных, желающих прочесть мне с десятков лекций о моей безответственности, заселили мой дом. Я натянула свои вещи поверх мокрого спортивного белья и просунула ноги в обувь. Я стойко игнорировала охвативший меня холод, когда мой спаситель отошел от меня, тоже облачаясь в свои джинсы, свитер и сникерсы.

– Могу ли я хотя бы отвезти тебя домой?

– Только если скажешь мне, откуда ты знаешь, что я такое.

– Кто сказал, что я знаю?

Я отчетливо видела, как между нами протиснулся воображаемый щит, за которым он скрывал свои собственные тайны.

Не обращая внимания на его защитную реакцию, я скрестила руки на груди и начала перечислять:

– Ты ждал в море, пока я не вернусь в это время. Ты видел свечение моей души, и при этом не выглядишь пораженным и не убегаешь, крича на весь остров.

Молчаливая дуэль наших взглядов затянулась на несколько секунд.

– Ты, наверное, на это рассчитывала.

Он был для меня загадкой. Может, он явился сюда из кемпинга, что располагался выше залива? Олдерни был очень популярен среди любителей водных видов спорта, а с таким телом этот чужак вполне мог быть серфером. Хотя маловероятно, что мне на помощь совершенно случайно пришел обычный серфингист, при этом разбирающийся в Магии Душ и так удачно оказавшийся рядом, когда я тонула. Холодный ветер проник под мои влажные вещи, и я содрогнулась при воспоминании о том, что в своей другой жизни я только что столкнулась с Лазарем.

Мой недружелюбный спаситель поднял с земли свою куртку и накинул ее мне на плечи.

– Надень, – приказал он тоном, не терпящим возражений.

Вообще-то я должна была натянуть эту куртку ему на голову, но на мне было только тонкое поло, поэтому я с готовностью завернулась в предложенную одежду.

– Во всяком случае, спасибо, что спас меня. Может быть, я смогу взять реванш в следующий раз.

Незнакомец сжал челюсти.

– Следующего раза не будет, потому что ты больше никогда не станешь плавать в темноте. Что, если бы я не обнаружил тебя? – Теперь он выглядел расстроенным. Парень пальцами зачесал волосы назад. Его локоны были темны, как ночь. Намокшие, они почти достигали плеч незнакомца, делая его немного похожим на пирата. Разъяренного пирата, которому не терпелось избавиться от меня.

– Вообще-то я имела в виду, что собираюсь пригласить тебя на кофе в городе, – так же недружелюбно отозвалась я, закатив глаза. Неужели он и вправду считал меня такой дурой?

– Где ты оставила свою машину? – продолжал он.

– Дома. Я была на пробежке.

– Среди ночи? – Я и не думала, что его голос может быть еще более возмущенным. Это было почти смешно.

Я пожала плечами.

– Ничего такого в этом нет. Здесь, на острове, даже кошки мышей не ловят. Вряд ли можно найти более мирное место.

– Так думаешь только ты. Я отвезу тебя, иначе ты замерзнешь, пока будешь идти домой, и тогда получится, что я зря спасал тебя. И никаких возражений по этому поводу.

Вот же черт. Покачав головой, я последовала за ним по узкой тропинке, пролегающей через высокую траву, к дороге, и на некотором расстоянии от нас заметила джип, припаркованный в месте расширения проезжей части. Я напряженно пыталась придумать, как бы дипломатично избавиться от моего спутника, как вдруг, словно из ниоткуда, справа от нас возникла тень. Мой спаситель развернулся, толкнул меня себе за спину и уже представлял собой живой щит, пока я все еще смотрела на фигуру из своих кошмаров.

– Беги! – закричал он и рванулся прямо на тень.

Я проигнорировала указание. На этот раз я не убегу. Тогда я не смогла помочь отцу, потому что была еще слишком юна. Но своего незнакомца в беде я не оставляю.

Что здесь, собственно, происходило сегодня ночью? Словно пригвожденная, я осталась стоять на месте, наблюдая с безопасного расстояния, как две тени схлестнулись между собой. Это была моя настоящая жизнь, и я не застряла, беспомощная, в другом веке. Здесь я чувство-

вала свою магию даже больше, чем мне этого хотелось, и многолетние тренировки подготовили меня к подобным ситуациям. Я направила энергию через свое тело. Зловещая тень отскочила от моего спасителя, издав пронзительный визг.

Подобно охотникам, с которыми я сталкивалась в детстве, этот тоже был одет в длинный черный плащ, а лицо его скрывал капюшон. Чем дольше охотник выживал, тем больше он терял свою телесность. Во всяком случае, тогда, когда ему не удавалось регулярно потреблять новые души. Похищенные души привязывали этих существ к земному бытию.

В прежние времена, когда Европа еще была охвачена войнами и болезнями, охотникам было гораздо легче получать души. Ослабленные люди не могли им противостоять. Но если охотники не получали достаточно пищи, их тела разлагались, и рано или поздно наступал момент, когда они начинали напоминать призраков или привидений. И тогда чаще всего они умирали, потому что им не хватало сил, чтобы собирать свежие души. Столь человеческим, каким я совсем недавно увидела Лазаря, охотник мог быть только тогда, когда у него не было недостатка в свежей энергии душ.

Но даже Лазарь не выглядел настолько человеческим, когда мы впервые встретились с ним в моем детстве. Я подошла ближе к схватке. Восемь лет мы мирно жили на этом острове, без всяких помех в виде охотников за душами. Откуда только взялся этот монстр? Моя одежда все еще была сырой, но, несмотря на это, я вдруг вспотела. Теоретически я обладала способностью убивать охотников за душами, но я никогда прежде не использовала этот навык. Противники рухнули на землю и покатались по траве. Капюшон соскользнул с головы охотника, и я всмотрелась в его обезображенное лицо. Оно выглядело так же, как и то, что прижималось тогда к стеклу нашей машины. Эти чудовища были ответственны за смерть моих родителей. Черные тусклые глаза уставились на меня, коричневые зубы скалились, остатки волос свисали с морщинистой головы, а бледная кожа натянулась на выступающие кости.

– Я сказал тебе бежать, – выдавил из себя мой спаситель. Пальцы моего чужака легли на то, что осталось от шеи охотника, и незнакомец сжал ее руками.

Но жадность придала монстру невообразимую силу. Он высвободился и стряхнул с себя соперника, пнув моего спасителя в бок, отчего тот, застонав, скорчился от боли. Я не шевелилась, терпеливо ожидая, пока охотник не повернется в мою сторону и не кинется на меня. Мое сердце колотилось так сильно, что, казалось, готово было выскочить из груди. Тонкая линия, образовавшая рот охотника, скривилась в жестокой улыбке.

– Кто это у нас тут? – прохрипел он. – Столько энергии... – В его шипящем голосе я уловила нотки радости. Принюхиваясь, охотник провел пальцем по отверстию на своем лице, на месте которого когда-то был нос.

Тут он был совершенно прав, и именно этот избыток энергии сейчас станет для него роковым. Мои руки пульсировали. Еще один шаг, и он окажется в ловушке. Но прежде чем я успела осуществить выброс магии, что-то блестящее пронеслось по воздуху и пронзило охотнику горло. Бурая кровь забила из раны фонтаном, стекая на капот. Нож застрял глубоко в шее монстра. Серебряный нож. Охотник упал на колени, закатив глаза. Его тело билось в диких судорогах, пока он валился на бок, а потом останки превратились в какой-то пепел, который сдуло налетевшим порывом ветра. Я все еще стояла на том же месте, уставившись в землю, когда кто-то встал рядом со мной.

– Чего ты не поняла в приказе «Беги!»?

– Убегать – это самый последний вариант, – тихо ответила я. – Не объяснишь мне, что это было?

Он только что убил охотника за душами и хотел обсудить со мной, почему я не убежала?

– Не хочу. Сейчас я отвезу тебя домой, и ты останешься там. Больше никаких ночных вылазок, поняла?

– Скажи, ты спятил? Ты появляешься из ниоткуда, спасаешь меня, когда я тону, убиваешь охотника за душами и воображаешь, что можешь приказывать мне? Может быть, он ударил тебя? По голове? Я бы и сама с ним справилась. Лучше скажи мне, кто ты и почему, по воле случая, таскаешь с собой серебряный нож?

Вместо того чтобы ответить мне, он вдруг, на мой вкус, слишком рьяно, принялся вытирать бурюю кровь охотника с блестящего лезвия ножа матерчатым платком, который вытащил из кармана брюк.

– Я просто тот, кто случайно оказался рядом, когда на тебя напали.

– А, ну тогда я – спящая красавица, – возразила я, испепеляя его возмущенным взглядом.

Однако это не произвело на него ни малейшего впечатления.

– Ты сейчас же сядешь в машину, и мы покинем это место, не дожидаясь, когда здесь появятся другие охотники!

Предложение, больше похожее на приказ, звучало достаточно разумно. Эти монстры обычно охотились не в одиночку, а стаями. Я распахнула дверцу и забралась в машину. Незнакомец нетерпеливо ждал, пока я пристегнусь.

– Думаешь, это был наблюдатель? – Они нашли меня. Вся эта защита никуда не годилась. Сколько потребуется времени, пока Лазарь не явится за мной собственной персоной?

– Скорее всего. И обычно за наблюдателем следует целая армия охотников. Особенно если он не вернется.

Мы были так осторожны все эти годы. Круг наложил на остров невидимый магический щит, который прятал меня от внешних опасностей. Должно быть, что-то уничтожило его.

– Где ты живешь? – Парень завел машину и повернулся к регуляторам кондиционера.

– Ты можешь высадить меня на Виктория-стрит, – резко бросила я. – На самом деле, будет здорово, если нас никто не увидит. Я не хочу неприятностей с бабушкой.

– А у тебя не будет проблем, если незнакомый парень привезет тебя домой на рассвете? – Джип медленно выехал на дорогу, и я откинулась на сиденье, радуясь изобретению обогрева сидений и тому, что мне не нужно бежать еще две с половиной мили.

Особенно бабушку разозлил бы тот факт, что этот человек спас меня от охотника за душами. Я с подозрением оглядела своего спутника. Почему он делал из всего тайну?

– Я сказала лишь, что пойдут разговоры, а мне хотелось бы этого избежать. – Я ни в коем случае не хотела, чтобы толпа подвыпивших колдуний рассматривала этого незнакомца под микроскопом, когда он высадит меня у моей двери. К этому времени они наверняка выпили уже все запасы пунша, и теперь я не стала бы ручаться за сознательность каждой из них. Вполне вероятно, они еще заташат этого парня, который был так привлекателен да к тому же мог бороться с охотниками за душами, ко двору Людовика XIV, только затем, чтобы произвести на него впечатление. Я никак не могла допустить, чтобы произошло что-то подобное. С другой стороны, бабушка могла бы точно сказать мне, с кем я имею дело. Сама я никогда еще не слышала об обычном человеке, который мог вот так запросто убить охотника. Во всяком случае, не в XXI веке. Если только он не был... Я покачала головой. Нет, этого не могло быть. Мой отец был последним защитником.

После моего рождения бабуля посвятила папу в тайну Магии Душ, и он поклялся защищать меня своей жизнью, что, в конце концов, и сделал. Других защитников, насколько я знала, больше не было. И хотя люди уже не были такими суеверными и трусливыми, как раньше, в них по-прежнему жило скептическое отношение к магии. Было лучше, когда никто ничего не знал о нас.

Я взглянула на длинные тонкие пальцы, сжимавшие руль, а затем на профиль парня, ведущего автомобиль. Его брови были сдвинуты, лоб нахмурен, словно он досадовал на что-то. На кого этот красавчик сердился, догадаться было нетрудно. Я позволила ему довезти меня до цветочного магазина Греты.

– Ты можешь посадить меня здесь, – предложила я. – Мой дом всего в паре метров. Спасибо, что подвез.

Он заглушил мотор, вышел, молча обогнул машину и открыл мне дверцу.

– Сделаешь мне одолжение? Не уходи больше из дома ночью.

– Если ты расскажешь мне, кто научил тебя убивать охотников за душами.

Он с видимым недовольством покачал головой.

– Ты должна рассказать бабушке о том, что случилось. Она будет знать, что делать.

Происходящее становилось все более загадочным. Откуда он знал, что бабушка – Просветленная? Расскажи я ей о случившемся, бабуля тут же перенесет меня в другое время и спрячет там. Но я не допущу этого. В детстве, когда меня засунули на этот остров, у меня не было другого выбора. Но сегодня я хотела распоряжаться своей жизнью сама, и ни за что не позволю какому-то там красавчику указывать мне, что делать и где быть.

– Ах, забудь, – прервал он мои размышления. – Просто будь осторожнее.

И прежде чем я успела ответить хоть что-то, мой спаситель уже закрыл дверцу, обогнул машину, снова вернулся за руль и уехал. В шоке от того, что он даже не попрощался, я, по крайней мере, еще с минуту стояла на обочине, глядя вслед габаритным огням, а затем бегом преодолела последние несколько метров до дома. Я отчаянно нуждалась в горячем душе, и желательно поскорее. В фильмах и книгах спасатели всегда были милыми и обаятельными. Ясное дело, мне нужно было столкнуться с одним из их недружелюбных представителей.

Тихо отворив дверь магазина, я и в самом деле услышала, как из дальних комнат доносится какое-то бормотание. На креслах и прилавке лежали разноцветные пальто и вязанные накидки. Пахло жженой миррой – по непонятным мне причинам самым популярным ароматом среди Просветленных, а пустые стаканы и чашки с остатками пунша были расставлены по всему помещению. Как бы ни были чисты души наших колдуний, о порядке члены Круга не особенно пеклись. Но и у меня не было никакого желания начинать уборку прямо сейчас. Это могло подождать. Я бесшумно пробиралась вверх по лестнице, когда передо мной вдруг возникла тень. Я тихо вскрикнула, а потом узнала лицо Селины Монтегю. Она слегка улыбнулась.

– Так страшно, Саша? – Ее взгляд испытующе скользнул по мне и задержался на мужской куртке. Тщательно выщипанная бровь Селины взлетела вверх. – Где ты была?

– Бегала, – коротко отозвалась я. Селина, может, и была главной для членов Круга, но я не обязана была ей отчитываться.

– Может, присоединишься к нам ненадолго? – Главная колдунья поднесла бокал с пуншем ко рту и сделала глоток. Мой взгляд задержался на ярко накрашенных кроваво-красных губах. Сегодня, как, впрочем, почти всегда, ее темные волосы были стянуты в строгий пучок. Прическа подчеркивала высокие скулы и миндалевидные глаза Селины.

– Я бы предпочла принять душ и лечь спать.

Селина кивнула и немного посторонилась.

– Тогда желаю тебе приятных снов.

– Большое спасибо, – отозвалась я, протискиваясь мимо Селины и вдыхая окутавший ее аромат роз.

– В ближайшие дни я собираюсь отправиться ко двору Ричарда. Не хочешь присоединиться ко мне?

Эта женщина никак не могла так просто оставить меня в покое.

– Спасибо, Селина. Но нет. У меня и тут дел хватает.

– Как скажешь. Но если ты вдруг передумаешь, то знаешь, где меня искать. – И каблуки Селины застучали в направлении нашей оранжереи. Я смотрела ей вслед, пока стройный силуэт колдуньи не исчез из виду. А потом помчалась в свою комнату. Я жутко замерзла. Скинув куртку своего неизвестного спасителя, я повесила ее на спинку кресла, и, освободившись от

своей влажной одежды, приняла душ и проскользнула в теплые домашние брюки и вылинявший шерстяной свитер. А после, уютно устроившись в кровати, уставилась на чужую куртку.

Уже засыпая, я вдруг поймала себя на внезапной мысли. Мое незапланированное перемещение во времени. Тогда я почувствовала чужую магию. Кто пришел мне на помощь? Селина? Я могла спросить ее об этом, когда мы случайно встретились на лестнице. Но тогда мне пришлось бы рассказать колдунье о том, что со мной произошло. Вдохнув, я пожелала иметь возможность получить собственную Книгу Душ, не вступая в члены Круга. Но это была цена, которую я заплатила, не пожелав принимать свое предназначение. Это было трудно выдержать, потому что Книга Душ принадлежала только тем Просветленным колдуньям, которые были его участниками.

В Книге Душ мы, колдуньи, отмечаем самые важные события своих предыдущих жизней, и как только мы возвращаемся к нашей Книге, вступая в Круг, мы можем вспомнить все эти жизни. Книга Душ – сложный магический предмет, который постепенно возрождает эти воспоминания.

Но для меня в этой жизни они были закрыты. Однако, говорила я себе, другие люди тоже не помнят жизней, которые уже были пройдены их душами. Не все так плохо. То, что мог нормальный человек, должно оказаться возможным и для меня.

Глава 2

Олдерни, с 25 августа по 31 августа 2019 года

Настоящее

На следующее утро, устранив беспорядок, я села на велосипед и доехала до кемпинга, где ненароком осведомилась у его хозяйки Зои о некоем привлекательном молодом человеке. К моему сожалению, среди ее гостей сейчас значились только три семьи, да, кроме того, несколько девушек, которые разбили палатку на территории базы. Я размышляла о том, не спросить ли у Зои разрешения пройти по кемпингу, но решила, что это только пробудит в ней любопытство, и тогда уже завтра – самое позднее – весь Сент-Анн⁶ будет судачить о моих расспросах. Идти узнавать о моем незнакомце в отель Брай-Бич или многочисленные островные пансионаты было бы еще более заметно, поэтому я решила оставить все как есть. В конце концов, я пыталась найти его. Придется просто оставить куртку у себя и забыть о парне. В любом случае так будет разумнее всего. Меня не покидало стойкое ощущение, что, кем бы ни был мой ночной спаситель, он вряд ли будет способствовать моим усилиям вести нормальную жизнь.

Мое намерение забыть незнакомца, к сожалению, не воплотилось в жизнь, потому что в последующие дни я беспрестанно думала о нем, хотя и старалась всеми силами отвлечься. Я помогла дяде Уиллу украсить церковь к свадьбе, испекла вместе с Мегги целую гору печенья, очистила от пыли книжные полки в магазине и заново рассортировала ящики с кристаллами. Занимаясь всем этим, я снова и снова задавалась вопросом, кто же он такой. Может быть, он уже уехал? Правда, в последние дни море сильно штормило, так что паромом он уплыть не мог. Я очень хотела увидеть его еще хотя бы раз. Главным образом потому, что обрывки рассеянных воспоминаний создали в моих фантазиях образ, который мог и не соответствовать действительности. Это был обычный молодой человек, оказавшийся в нужное время в нужном месте и умеющий чертовски хорошо плавать. Парень, который носил с собой серебряный нож и действовал довольно решительно. Он определенно не был принцем, который взял бы на себя работу по спасению меня от Лазаря Риммона. Это могла сделать только я сама.

Вероятно, охотник за душами, напавший на нас, на самом деле был просто одиночкой, слишком голодным, чтобы правильно оценивать ситуацию. Для одинокого и наполовину изголодавшегося охотника нападать на волшебницу было откровенной глупостью. Магия многочисленных Просветленных, проводивших ту ночь на острове, должно быть, ослабила волшебный щит и заманила его. Будь он одним из наблюдателей Лазаря, у нас уже давно возникли бы гораздо большие проблемы. Я держала все произошедшее при себе. Никто не должен был узнать, что произошло той ночью.

Спустя пять дней, придя в нашу оранжерею, расположенную непосредственно за магазином, я увидела бабушку, которая сидела там за столом, помешивая ложечкой чай, и читала газету.

– Могла бы и сама мне рассказать.

⁶ Сент-Анн – единственное поселение Олдерни, занимающее большую часть острова.

– Извини. – Я села напротив и придвинула к себе чашку, которую тоже наполнила чаем. – Не хотела тебя волновать.

Я осторожно размешивала сахар в чае, неотрывно следя взглядом за волнообразными колебаниями, вызванными движениями ложки.

– Я не волнуюсь, дорогая. – Чайная ложечка бабушки звякнула, ударившись о тонкий фарфор. – Я просто рада, что с тобой ничего не случилось.

– Откуда ты вообще об этом знаешь? – подняла я наконец глаза, и наши взгляды встретились.

– Мистер Ларсон видел, как ты ни свет ни заря выходила из машины какого-то молодого человека, и вчера рассказал об этом Селине. Та сразу же сообщила Грете, а Грета позвонила мне. Селина была вне себя, ты же знаешь, какая она.

О, я знала. Селина отчего-то считала, что она – моя самая близкая подруга и что я должна была все ей рассказывать. Когда мне было десять, я, возможно, так и поступала, как только она посещала нас на острове. Но в восемнадцать я определенно уже не собиралась этого делать, хотя теперь Селина тоже жила здесь. Ее дом находился за городом, в заливе Лонгис, но это не мешало ни единому слуху достигать ее ушей.

– Да это просто чудо, что такому любопытному человеку потребовалось целых пять дней, пока он не решился поделиться известной ему информацией, – сказала я с облегчением. По крайней мере, ни бабуля, ни Селина не имели ни малейшего понятия об убитом охотнике за душами.

– Его беспокоила подагра, поэтому он не выходил из дома несколько дней, – подмигнула она мне.

И эти дни он провел, стоя у окна за занавеской. Я решила, что половина исповеди лучше, чем ничего.

– Я хотела освободиться от магии. Пробежка не помогла, и я решила поплавать. Море стало несколько беспокойным, а этот *молодой человек* вытащил меня из воды.

– Насколько беспокойным?

Я не выдержала ее пронизывающего взгляда и отвернулась.

– У меня были некоторые трудности.

Бабуля кивнула. Это было в ее духе – не судачить попусту о том, чего она уже не могла изменить.

– Что-нибудь еще, заслуживающее моего внимания?

– Нет. Он подвез меня домой, потому что собирался дождь, а потом исчез.

– Тогда я спокойна. В своей жизни я делала вещи и похуже, чем купания по ночам, – улыбнулась она, и мне пришлось подавить угрызения совести. – Главное, чтобы это не дошло до дяди Уилла.

Морщинки вокруг ее небесно-голубых глаз стали глубже. Ее сын, мой дядя Уилл, пастор нашей маленькой общины на Олдерни, был самым осторожным человеком на планете, напрочь лишенным иллюзий. Иногда мне даже казалось, что его подменили при рождении, потому что он был совсем не похож на бабушку. И хотя свою маму я помнила совсем смутно, она наверняка была в тысячу раз жизнерадостнее.

Вошла Мегги с подносом в руках. Увидев меня, она ухмыльнулась. Конечно, ей тоже было давно известно о моих приключениях. Я усмехнулась в ответ.

Мегги была ученицей. Она жила с нами уже полгода, и хотя оказалась всего на год старше меня, жизненного опыта у нее было не занимать. Прибыв на остров изможденной и грязной, сейчас она стала самой самостоятельной и независимой девушкой, которую я знала. О прошлом Мегги напоминали лишь ее зеленые волосы, пирсинг в левой брови и татуировки, которые тянулись по всей правой руке девушки. Всю жизнь Мегги была сама по себе. Родители отказались от малышки, и девочка выросла в приюте, вырваться из которого смогла лишь тогда, когда

ей исполнилось шестнадцать лет. Мне оставалось только догадываться, как испугалась Мегги, когда проявилась ее магия. На подростка без каких-либо предварительных знаний вспышки магии, должно быть, наводили ужас. Когда она появилась у нас, бабуля тут же распознала в ней новоявленную колдунью, взяв Мегги под свое крыло. Души бабушки, ее подруг и даже моя собственная уже прожили множество жизней. Но Просветленные, живущие впервые, были редкостью.

С тех пор Мегги не только охотно развивала магию своей души, но и с не меньшей готовностью занималась домашним хозяйством: готовила, пекла для нас с бабулей и поддерживала дом в чистоте. У нее никогда не было настоящего дома, но, несмотря на это, девушка была удивительно хозяйственной. Иногда мне казалось, что она хочет наверстать все упущенные мгновения своего детства. Мгновения, в которые ее родители должны были оберегать и защищать ее. Мгновения, которых, несмотря на смерть моих мамы и папы, так много было у меня, ведь бабушка и дедушка всегда были со мной.

Мы с бабулей старались не препятствовать Мегги в ее стремлении заботиться о нас, потому что, как нам казалось, именно это и делало ее счастливой. Хотя лично мне не всегда было понятно ее желание постоянно что-то готовить или печь, но, в конце концов, у меня тоже были свои причуды, которые Мегги никогда не подвергала критике. Она просто соглашалась с ними. Жизнь рано научила ее принимать людей такими, какие они есть.

Во всяком случае, я радовалась, что Мегги была с нами. После того как год назад умер дедушка, бабуля долго тосковала. Она потеряла свою родственную душу и очень страдала от этого, хотя и знала, что снова найдет дедушку в своей следующей жизни. Появление Мегги и обучение ее Магии Душ отвлекали бабулю от переживаний. Удивительно, но она невероятно гордилась малейшим прогрессом, которого достигала ее ученица. В конце сентября, на праздник *Мабона*, Мегги должна была вступить в состав Круга. Девушке уже не терпелось приступить наконец к своей работе в качестве Просветленной, разыскивая и избавляя от страданий Душелишенных.

Душелишенными звали людей, души которых были похищены охотниками. Мы не должны были допускать, чтобы они продолжали жить, потому что это неизбежно вело к одному: Душелишенные сами становились охотниками. Ибо если душу человека похищали, жажда новой души становилась в нем настолько неистовой, что он начинал охотиться сам и крал души других. А тот, кто впервые вкусил чужой души, становился зависимым. Душелишенных, найденных Просветленными до того, как они успевали поглотить первую душу, было легче избавить от этой участи, чем если бы они уже стали охотниками за душами. Хотя избавление или искупление были лишь красивыми словами. На самом деле колдуньи просто убивали Душелишенных. Я не завидовала этой обязанности: для этой своей жизни я выбрала кое-что другое. Я предпочитала сортировать ароматические свечи, раскладывать серебряные украшения, расставлять антикварные книги в магазине бабушки и иметь дело с бесцеремонными туристами. Все это тоже было довольно увлекательно и вполне оправданно. По крайней мере, чаще всего.

Мегги поставила на стол передо мной блюдо с горкой *сконов*⁷ и под села к нам.

– Решила в виде исключения сморозить глупость?

Я только пожала плечами. Я всегда так старалась принимать разумные решения, что, в конце концов, поступила крайне неразумно. Неудивительно, что весь Сент-Анн теперь потешался надо мной, хотя вряд ли кто-то из местных знал, в чем состояла настоящая проблема. Мы не предавали огласке наше предназначение.

Бабуля потянулась за *сконом*, и Мегги пододвинула к ней топлёные сливки.

⁷ Скон (*англ. scone*) – британский хлеб быстрого приготовления, традиционно приготавливаемый в Шотландии и на юго-западе Англии. Обычно его выпекают из пшеницы, ячменя или овсянки, с разрыхлителем теста.

– Доктор Барнс запретил тебе злоупотреблять жирной пищей, – немного неуверенно прокомментировала я, обращаясь к бабушке. Чем старше я становилась, тем больше ощущала потребность заботиться о ней. Я уже потеряла родителей и не могла поддерживать связь со своими братьями, чтобы не вовлекать их в свои проблемы. Дедушка расстался с жизнью слишком рано, и я не хотела, чтобы потеря в моей жизни стало еще больше. Когда бабушка все же умрет... Я не хотела додумывать эту мысль до конца.

– Да, я знаю, но какой была бы жизнь без прегрешений? – подмигнула она мне.

– Безопасной? – предложила я.

Бабуля рассмеялась.

– Скорее, скучной, – заявила она, разрезая свой скон.

– Уилл звонил, – сообщила Мегги после того, как мы немного насытились. – Тебе нужно зайти в церковь.

Итак, этого мне тоже не удалось избежать. После смерти моих родителей дядя взял на себя что-то вроде отцовской роли, что в его понятии означало наставлять меня на путь истинный и противодействовать «причудам» бабушки, как он это называл. Он, как и я, не принимал наследие нашей семьи, однако причины такого его поведения были иными. Я подозревала, что дядя попросту завидовал, потому что мужчина не мог быть Просветленным. Такое право было только у женщин.

– Он волнуется, – вступилась бабуля за своего сына, что было крайне необычно. Мы с Мегги устали на нее, но та лишь пожала узкими плечами.

– А я нет, – отозвалась Мегги, жуя и одновременно выщипывая крошки с белой льняной скатерти. Она была фанатиком порядка. – Саша ведь уже не ребенок. Для нее наступает время испытать что-то волнующее. Он был симпатичным?

– Даже очень, – смущенно улыбнулась я ей в ответ. – Все было вовсе не так уж плохо. Я смогла бы выбраться на берег и сама.

Сейчас был подходящий момент, чтобы рассказать и об охотнике, но я промолчала.

Бабушка отпила из чашки, расписанной мелкими цветочками.

– Я думаю, Уилл понимает, что мы не можем вечно держать тебя под стеклянным колпаком. Но ему трудно так просто отпустить все, что было.

– Извини, – ответила я. Слишком уж часто я стала забывать, как сильно страдала моя семья и какие ужасы ей пришлось испытать. После аварии моя жизнь несколько недель висела на волоске. Бабуля потеряла свою единственную дочь, а дядя Уилл – свою сестру. С моей стороны было совершенно несправедливо обвинять их в чрезмерной заботе, но иногда я чувствовала себя так, будто сижу взаперти.

– Все, об этом больше ни слова, – бодро заявила бабушка. – Сейчас явятся девочки и, держу пари, тоже захотят узнать, что произошло той ночью, и, самое главное, кто тот таинственный спаситель.

– Да я и сама не знаю этого. Мне даже имя его неизвестно. Он словно сквозь землю провалился.

Бабушка неодобрительно прищелкнула языком.

– Разве я не учила тебя всегда спрашивать у красивого парня имя, прежде чем ты отпустишь его?

– Нет, – ответила я. – Не учила. Ты говорила, что красивых парней нельзя *выпускать* из своей постели. Для жизни они не годятся, но для практики – в самый раз, – процитировала я ее слова. – К сожалению, для подобной практики ситуация была более чем неподходящей.

Тем более что я была самой неподготовленной восемнадцатилетней девушкой, какой только могла быть. Я надеялась только на то, что другие мои жизни были более захватывающими и увлекательными, чем нынешняя. Но желательно не такими, как та, в которую я слу-

чайно попала совсем недавно. Интересно, жила ли я вообще когда-либо спокойной мирной жизнью без всех этих преследований и страха?

Мегги рассмеялась своим обычным грубым смехом, а бабуля, поперхнувшись, деликатно кашлянула.

– Полагаю, если бы это случилось, то слухи распространились бы еще быстрее, – Мегги тщательно протерла пальцы салфеткой. – Тебе и в самом деле нужно покинуть остров, – продолжала она, хотя в этих ее словах было мало толку.

Мегги точно знала, почему я не могу пока никуда уйти. Если мне не удастся запереть свою магию внутри себя, мне придется остаться на Олдерни на всю оставшуюся жизнь. Этот вариант не подходил мне. Где-то там, снаружи, меня ждала настоящая жизнь, и я должна была получить ее. Я мечтала снова увидеть своих братьев, хотя и боялась этого. Я хотела найти свою родственную душу. Если я останусь здесь, то тот, кто предназначен мне, проведет эту жизнь в одиночестве. Как и я.

– Давай сделаем так. Ты сначала поможешь нам с альбомами, а потом сходишь к дяде Уиллу, – вернулась бабушка к более безобидной теме. – У нас много новых заказов.

Тихо вздохнув, я кивнула. Раньше для меня не существовало ничего более чудесного, чем проводить свои дни и вечера с бабушкой и ее подругами. Они разрешали мне поесть горы сладостей и рассказывали о мелких грешках, которые совершали в той или иной жизни. Однако сегодня мне было не до этих историй. Меня не интересовало, какая из Просветленных флиртвала с братом Наполеона Жозефом⁸ или зачала незаконного ребенка от русского царя, но я не хотела обижать бабулю. Она и ее подруги защищали меня половину моей жизни. Тем, чем я являлась, я была обязана только им.

Я должна была рассказать им об охотнике! Что-то разрушило щит, или, по крайней мере, уменьшило действие его силы. Но все внутри меня противилось, едва я порывалась сказать об этом. Бабуля ухитрилась бы спрятать меня в каком-нибудь далеком веке. И тогда я никогда больше не увижу моего спасителя. И я продолжала молчать, хотя это и было неправильно.

– Пора и за работу, – сказала Мегги, когда мы покончили со скринами. Постепенно бабушка отошла от дел, оставив всю работу и принятие решений нам.

– Я присмотрю за порядком в магазине, а когда эти четверо придут, отправлю их к тебе, – отозвалась я, собирая посуду на поднос.

Бабушка устроилась поудобнее в своем кресле у камина.

Мегги зажгла огонь, так как бабушка в последнее время стала мерзнуть. В остальном же едва ли кто-то мог увидеть или понять, что ей было уже за семьдесят.

Я принесла бабуле газету, а Мегги поставила на маленький столик рядом с ней чашку с чаем. Губы бабушки скривились, но она никак не прокомментировала наши усилия ухаживать за ней. Она сдалась, и я подозревала, что, несмотря на прежние протесты, теперь бабушке это очень нравилось.

* * *

Пол скрипнул, когда я вошла в магазин, и знакомый, успокаивающий запах бумаги, пыли, сандалового дерева и чернил тут же окружил меня. С тех пор как я поселилась на этом острове, отрезанном от внешнего мира, я каждый день проводила среди темных полок, вытертых кресел и исцарапанных половиц.

Мне нравились заколдованные маленькие комнаты с их нишами и закоулками, в которых можно было уединиться, чтобы почитать или просто подумать. Мы продавали антикварные

⁸ Жозеф Бонапарт – первенец Карло и Летиции Буонапарте, старший брат Наполеона I, король Неаполя в 1806–1808 годах, король Испании в 1808–1813 годах под именем Иосиф I Наполеон.

книги, ароматические свечи и разные сувениры для туристов, вроде волшебных палочек, кристаллов, исцеляющих камней или ювелирных изделий собственного производства.

Я прошла мимо рядов полок и остановилась у ароматизированных свечей, чтобы отсортировать их по цвету и размеру, хотя это было совершенно бесполезно. Завтра они снова будут в таком же беспорядке. Я на автомате отодвинула в сторону коробки с волшебными палочками и встряхнула один из ароматических флаконов, расставленных повсюду, чтобы запах розмарина и лимона распространился по магазину. Я должна была рассказать бабушке о своем неожиданном перемещении во времени, о сиянии моей души, и прежде всего об охотнике. Она поддерживала меня в моих усилиях по контролю и блокировке магии, но уже не верила в то, что мне когда-нибудь это удастся. Еще несколько дней назад я была твердо намерена доказать ей обратное. Наша жизнь была такой, какой мы творили ее, а в моей не осталось места для Магии Душ и блужданий во времени. Но теперь мне стало интересно, действительно ли мне удалось избежать всего этого или бабушка была не права.

Колокольчик на двери магазина мелодично звякнул, и я вздохнула. В такой ранний час посетители обычно не забредали в наш магазин, и мне нравилось, что это время я могла посвятить только самой себе. Но мы зависели от каждого клиента. Я подняла с пола шерстяное покрывало и, сложив его, задрапировала кресло, в котором так удобно было читать.

– Здравствуйте, – раздался голос из передней. – Здесь кто-нибудь есть?

– Входите, – отозвалась я, пересекая комнату. Сначала мне на глаза попала только спина молодого человека, склонившегося над дряхлым, обшарпанным прилавком с допотопной кассой.

– Здравствуйте, – поприветствовала я его. – Вы ищете что-то конкретное?

Как можно было быть таким любопытным или, вернее, таким наглым? Посетитель одним плавным движением развернулся ко мне. Увидев его лицо, я от неожиданности отшатнулась. В поисках опоры я схватилась за один из книжных шкафов, но парень тут же оказался около меня, крепко удерживая своими сильными руками. По ощущениям это было так же хорошо, как мне запомнилось.

– Значит, ты спряталась здесь, – укоризненно произнес он, в то время как его взгляд тщательно изучал мое лицо.

– Я и не думала прятаться, – пояснила я. – Я здесь живу.

И я с не меньшей бесцеремонностью уставилась на него. Идеально прямой нос, очень бледная кожа, четко очерченный подбородок с легкой небритостью, высокие скулы и чуть раскосые глаза, цвет которых теперь я могла различить. Темно-карие с зеленоватым оттенком.

– А я уже боялся, что ты не последовала моему совету и все-таки совершила очередной ночной заплыв. – К моему изумлению, его губы искривились в улыбке. – Еще немного, и я отправился бы добывать водолазное снаряжение, чтобы отыскать тебя.

– Дайвинг у острова строжайше запрещен, – наставительно произнесла я. – Отмели и острые камни могут быть очень коварны, если не знать безопасного пути.

– Что-то подсказывает мне, что ты нарушала этот запрет.

– Мы, островитяне, не любим, когда нам что-то запрещают. – Конечно, я уже погружалась на дно. С дедушкой. Но одна я бы на это не решилась.

– Примерно так я и подумал. Ты уже можешь стоять самостоятельно? – В его глазах вспыхнули зеленые искорки. Итак, сегодня он не был недружелюбным, но зато решил высмеивать меня. Во всяком случае, так было лучше.

– Обычно я стою на ногах довольно уверенно. Понятия не имею, почему тебе взбрело в голову постоянно подхватывать меня. – Я не хотела чувствовать то, что ощущала прямо сейчас. Меня пугало вновь возникшее ощущение близости, тем более что я не знала, откуда оно взялось.

– Бывало и похуже.

Он отпустил меня, не взяв на себя труд убедиться, что я не упаду вновь. Вместо этого он оперся рукой на книжную полку возле моей головы, удерживая меня на месте, словно в капкане. Я незаметно пригнулась. От него пахло ветром, водорослями и песком.

– Я хотел извиниться перед тобой за то, что той ночью проявил нелюбезность, оставив тебя стоять на дороге одну. Но, проснувшись следующим утром, я был не совсем уверен, что все случившееся не было всего лишь моим сном.

– Тебе не приснилось. Каждая неприятность той ночи произошла на самом деле. – Сделав мимолетное движение, которое уже давно вошло мне в плоть и кровь, я убедилась, что длинные волосы закрывают левую половину моего лица, и оттолкнула красавчика в сторону. Он медленно отступил назад.

– Могу я еще что-то сделать для тебя? – спросила я, стараясь, чтобы мой голос звучал взрослее.

– Ты здесь работаешь? – Он провел пальцами по корешкам книг на полке рядом с собой, ненадолго задержавшись на старом издании Ф. Скотта Фицджеральда *«Все эти юноши печальны»*. Я отчаянно желала быть книгой из бумаги и картона и стоять на этой полке.

– Магазин принадлежит моей бабушке, а я ей помогаю, – сформулировала я полуутвердительный ответ. Мой взгляд скользнул с его лица на грудь. Красавчик потянулся за другой книгой, и под его футболкой отчетливо напряглись мышцы. Я взяла себя в руки и постаралась сосредоточиться на своей работе, ведь он был клиентом.

– Если бы я знал, что найду тебя здесь, я пришел бы раньше, – серьезно сказал он. – А сейчас хочу забрать свою почту.

– Свою почту? – Он не перевернул каждый камушек на острове, стараясь найти меня. Конечно же нет.

Парень оставил книги в покое и скрестил руки на груди.

– Я попросил, чтобы ее оставляли здесь, если почтальон не сумеет ее доставить, – пояснил он, пристально глядя на меня. Не выжидательно или нетерпеливо, а так, словно он хотел запомнить каждую черточку моего лица. – Ты действительно в порядке? – невозмутимо спросил он потом. – Ты ходила к врачу? Я волновался. Мне стоило настоять на том, чтобы отвезти тебя к нему.

– Ты и так уже сделал слишком много. Мы оба могли утонуть. Я вела себя слишком легкомысленно. – Охотник за душами мог похитить души у нас обоих. Последнее я, впрочем, вслух не произнесла. Когда доходило до дела, слух у бабушки мог быть острее, чем у рыси. Об этом мы могли поговорить с ним только там, где будем одни.

– Если бы ты не была так неосторожна, мне не пришлось бы тебя спасать, – серьезно ответил он.

Я почувствовала, как мои щеки вспыхнули от смущения.

– Обычно я веду себя более разумно, – сообщила я, хотя на него это не произвело никакого впечатления. С его точки зрения, подобное утверждение не могло быть сколько-нибудь правдоподобным.

– Большая часть того, что делает нас счастливыми, неразумно, – к моему удивлению, ответил он.

Я наклонила голову.

– Ты придумал?

– Нет. Это Монтескье⁹.

– А ты всегда бродишь где-то поблизости, спасаешь девушек и цитируешь французских философов?

⁹ Шарль Луи де Монтескье – французский писатель, правовед, философ, автор романа «Персидские письма», труда «О духе законов», сторонник натуралистического подхода в изучении общества.

– А ты знаешь, кем был Монтескье? – удивленно вскинул брови он.

– Я читала его *«Персидские письма»*, – призналась я, уверенная, что он – один из немногих парней, что не найдут мой интерес к философии странным.

– И тебе понравилось?

Я пожала плечами:

– Мне кажется правильным, что Монтескье не настаивает на том, что все люди должны иметь одинаковые представления о морали, вне зависимости от того, насколько они социализированы. Мы вырастаем, подверженные различным влияниям, и они делают нас такими, какие мы есть. Быть другим – это нормально, и мне это нравится.

Я сама являлась кем-то совершенно другим и знала, что люди обычно не были особенно терпимы. Возможно, именно поэтому мне так нравились высказывания Монтескье. Однако и с моим спасителем тоже было что-то не так, даже если он этого не признавал. Пока. Я даже не ждала от него комментариев.

– Ну, Питер Кларк – единственный разносчик почты на Олдерни, и, к сожалению, он самый ненадежный почтальон в мире. И хотя он один из самых симпатичных людей, которых я знаю, он никогда не был особенно организованным, – рассказала я. – Чаще всего он не может разнести почту, потому что помогает вдове Моро с ее кроликами или пьет чай с Бобом Фростом. Старик прикован к инвалидному креслу и чувствует себя на своей ферме немного одиноким. А еще есть малыш Сидни. Его отец трудится на материке, и Питер играет с ним в футбол, пока мать Сидни на работе.

Слова, которые я произносила, в моем представлении имели смысл, однако выражение на лице парня становилось все более непонимающим. Да и как он мог понять нашу островную жизнь? Я перестала говорить, и его губы снова изогнулись в улыбке. Я осторожно прислонилась к полке. Эта улыбка вынуждала меня говорить чепуху и надеяться на что-то совершенно невероятное.

– И что этот добряк делает с моей почтой? Привязывает ее к лапкам островных голубей, чтобы те не скучали?

– Вполне возможно, – со смехом отозвалась я. Так значит, чувство юмора у него присутствовало. Это становилось все интереснее. – У Питера большое сердце.

– Я хотел бы как-нибудь познакомиться с этим образцом альтруизма, но, видимо, до нас очередь так и не дойдет.

– По этой причине горожане чаще всего забирают свою почту у нас в магазине. – Я взяла себя в руки и направилась к старому шкафу, в котором были сложены рассортированные письма и посылки. – Но здесь хранятся только те письма, которые адресованы местным жителям. Почта туристов остается в портовой конторе.

– А почему ты решила, что я турист? – Его улыбка стала шире, что окончательно привело меня в замешательство.

– Потому что я никогда еще не видела тебя здесь. Это же так просто. Не видела до нашей ночи.

Его внимательные глаза сверлили меня слишком пристальным взглядом.

– Нашей ночи?

Из его уст фраза прозвучала как-то сомнительно, приобретая тайный смысл, которого я совсем не хотела вкладывать в свои слова. Я скрестила руки на груди. Может, он не будет смотреть на меня так проникновенно? Интересно, сколько ему лет? Кажется, он был всего на три или четыре года старше меня, но выглядел намного более зрелым и опытным. Однако я не позволила этому обстоятельству ни запугать, ни впечатлить себя.

– Неужели ты знаешь каждого жителя острова? – заинтересованно спросил он.

Я пожала плечами:

– Каждого. По имени и фамилии. – А еще даты рождения некоторых из них. Но это его не касалось.

– Тогда, в нашу ночь, я упустил возможность представиться. Мы прибыли сюда всего несколько дней назад. Ты не можешь меня знать. Во всяком случае, в одетом виде.

Он был невозможен. Я покачала головой, готовая сдаться.

– Что ж, прекрасно. Как тебя зовут?

– Седрик де Грей.

– Де Грей? – Теперь пришел мой черед выглядеть изумленной. – Как те де Греи, которым принадлежит форт Кеснард?¹⁰

– Совершенно точно. Мы вернулись в места, где жили наши предки, несколько дней назад. Точнее, в день накануне нашей ночи. – В его темных глазах вспыхнули задорные искорки.

– Повезло так повезло, – вырвалось у меня. Он был де Греем. Невероятно! Вокруг форта Кеснард и семьи де Грей на острове ходили легенды. Вполне правдивые, как я теперь могла констатировать. Семья не показывалась на острове целую вечность. Собственно говоря, мы даже не знали, существовали ли потомки де Греев вообще. – Должно быть, вам пришлось полностью отремонтировать форт. Я слышала, что местный сад невероятно красив. – Никто не знал этого точно, потому что форт был частной собственностью и находился в самой северо-восточной части острова.

– Мы очень довольны, – ответил он. – Если захочешь, я покажу тебе, что получилось.

Пожалуй, я могла бы закрыть магазин на сегодня и пойти с ним. Или это было бы чересчур? В дверь вошла парочка посетителей, приветливо кивнувших мне. Они принялись осматриваться в магазине. Теперь уже я не могла спросить его о том, что мне так срочно нужно было знать. Долго мы еще будем ходить вокруг да около? Похоже, ему это было на руку. Но меня терзало любопытство. Я не забыла, что той ночью Седрик оставил мои вопросы без ответа. Он был одним из де Греев, убившим охотника за душами. Так. Еще бы выяснить, что он знал о моем даре. Теперь парень прогуливался по магазину, словно тот принадлежал ему, что наконец позволило мне хорошенько его рассмотреть. Черная футболка, темные джинсы, широкие плечи, мускулистые руки и ноги. Ничто в нем не выглядело заурядным. Но все это я заметила еще тогда, когда на де Грее были только узкие плавательные шорты. К счастью, сегодня я тоже выглядела вполне сносно. На мне была короткая черная юбка из вельветового бархата и темно-зеленая облегающая водолазка в рубчик. Черные колготки, мартинсы и две длинные серебряные цепочки довершали наряд. Бабушка утверждала, что, подбирая такие причудливые образы, я на самом деле пытаюсь отвлечь взоры окружающих от шрамов на моем лице. Возможно, доля правды в этом была, но ходить в обычных джинсах и свитере мне было попросту скучно.

Что я знала о де Грейх? В XIII веке один из представителей их рода был назначен королем Иоанном Безземельным комендантом Нормандских островов. С тех пор семья имела владения на каждом из них. Мое воображение вмиг превратило Седрика в благородного рыцаря Джона де Грея, который скакал по пляжу на черном коне и сражался с пиратами. На этих островах контрабандный бизнес имел многовековые традиции. На секунду мне захотелось полюбить перемещения во времени. Седрик оперся о прилавок и наклонился ко мне. Мой взгляд автоматически переместился на его рот. Это были самые совершенные губы, которые я когда-либо видела.

И тут меня словно окатили ледяной водой – иначе я не могла объяснить глупость, которая вдруг пришла мне в голову. Но в этот миг я впервые подумала о том, что могу влюбиться в кого-то и при этом не подвергать его тем самым опасности. Ведь Седрик смог защитить от охотника за душами и меня, и себя. Кто сказал ему, что чистое серебро представляет для них

¹⁰ Форт Кеснард – это руины одного из викторианских фортов на северо-восточной оконечности острова Олдерни.

смертельную опасность? Я очень хотела пойти с ним куда-нибудь прямо сейчас и задать ему все те вопросы, что так терзали меня.

– Так у тебя есть для меня почта? – прервал он мои мысли.

Я посмотрела на полке, помеченной буквой «Г», а затем на всякий случай заглянула еще и в отделение с буквой «Д».

– Ничего нет, – ответила я.

Он пожал плечами:

– Жаль. Выходит, путь проделан напрасно.

– Ты нашел меня, – возразила я.

– Я сохранию эту встречу в своей памяти навечно, – заверил он. На лице де Грея мелькнуло шаловливое выражение, и внезапно он провел пальцем по кончику моего носа. По спине у меня пробежали мурашки. Пока он не убрал палец и я не увидела на нем что-то белое. Топленые сливки.

От смущения я прикрыла веки.

– Ты вылизала миску со сливками? – Его улыбка стала еще шире, когда я снова открыла глаза.

– Ты мог бы сказать об этом раньше, – буркнула я.

– Мог бы. Прости, пожалуйста. Но ты так забавно выглядела.

Наши лица теперь были совсем близко друг к другу.

– С тобой действительно все в порядке? – спросил он еще раз, и я почувствовала, что на этот раз вопрос не имеет никакого отношения к тому, что я чуть не утонула, а также к нападению охотника за душами. Он был какой-то... всеобъемлющий.

– Это я должна спросить у тебя, ведь с охотником сражался именно ты.

– Он ведь оказался там и из-за меня тоже. Я подвергал тебя неоправданному риску. Этого я просто не учел.

Что он имел в виду? Чего хотел охотник от Седрика?

– Тебе придется решить, спасаешь ты меня или подвергаешь опасности, – проворчала я в ответ. Ощущение близости было настолько сильным, что я окончательно уверилась, что уже встречалась с ним в другой жизни. Чувствовал ли он то же самое? – Откуда ты, собственно, появился среди ночи так внезапно?

Я не хотела, чтобы Седрик уходил. Он не должен был ни на сантиметр отстраняться от меня.

– Я стоял наверху, в дюнах, и наблюдал за тобой. И понял, что ты попала в беду.

– Я немного запуталась, иначе бы я не полезла бы в воду. Особенно ночью.

Он сжал руки в кулаки и вскоре снова разжал их, прежде чем задать следующий вопрос:

– Может, расскажешь, из-за чего запуталась?

Я покачала головой.

– Если трезво расценивать, то ничего особенного, – смущенно отмахнулась я. – Так, девичьи секреты.

– Тогда мне не стоит беспокоиться. – Он выпрямился, и доверительная атмосфера испарилась.

Неужели он подумал, что я полезла в воду из-за парня? О боже. Если бы Седрик только знал, что мой опыт общения с другим полом был близок к нулю, он, вероятно, держался бы еще более отстраненно. Таких парней, как он, не интересовали одинокие и неопытные островные девушки. Я криво улыбнулась:

– Нет, не стоит.

– Хорошо, тогда я постараюсь перестать это делать. – Он повернулся, чтобы уйти.

– Ты еще зайдешь? – Мой вопрос, к сожалению, прозвучал скорее как просьба. – Я имею в виду, за почтой, – буркнула я.

– Я очень надеюсь, что ваш почтальон в скором времени все же доберется до нас.

Я смущенно прочистила горло.

– Да, конечно. Я напомню Питеру, чтобы он заехал к вам.

– Это было бы здорово. Я... – Он запнулся, и продолжил, словно извиняясь, – мы живем очень уединенно.

– Конечно. Никаких проблем.

– Ты ничего не рассказала своей бабушке, ведь так?

– Я не рассказала об охотнике за душами. Но она знает, что ты привез меня домой. На самом деле об этом знает весь остров, даже если твоя личность все еще засекречена. Хочешь, я познакомлю тебя с бабушкой?

Он на мгновение застыл.

– Не надо, – мрачно пробормотал он.

Итак, подлинный, недовольный Седрик де Грей вернулся. Я пожала плечами, а он, окончательно отвернувшись от меня, направился к двери. Вся его поза теперь выражала оборону, и было более чем очевидно, что он не испытывает потребности углублять наши отношения. Само собой, но это неожиданно ранило меня больше, чем должно было при сложившихся обстоятельствах. С моей стороны было крайне неразумно заводить дружбу. И хотя Седрик был отлично подкован в том, что касалось охотников за душами, я все равно подвергала парня опасности. А не он меня, как утверждал де Грей. Конечно, будет разумнее, если мы больше не встретимся.

Седрик как раз собирался покинуть магазин, когда в дверях появились четыре лучшие подружки бабушки. Полли и Молли Барнс, две сестры, которые, выйдя на пенсию пять лет назад, сразу же переехали в Сент-Анн, Грета Кондор – хозяйка маленького цветочного магазинчика в конце улицы, и Пенни Сигрейв, которая владела кофейней напротив нашей лавки и которую я любила почти так же, как и собственную бабушку. А следом всплыла Селина Монтегю. Ей не нужно было работать, потому что эта колдунья происходила из состоятельной семьи и проводила свои долгие дни, путешествуя во времени и раздавая указания членам Круга. Сегодня, судя по всему, она выбрала для этой цели меня. Ее длинные черные волосы свободно рассыпались за спиной. Одета Селина была в темно-синее платье-футляр и выглядела так, словно сошла со страниц модного журнала. На самом деле она совсем не соответствовала остальным женщинам, более приземленным и всегда одетым несколько нелепо. Жители Сент-Анн любовно именовали дам ведьмами из Олдерни, хотя, конечно, никто из них не знал, какими способностями эти женщины обладали на самом деле. Пенни оценивающе посмотрела на Седрика де Грея, и температура в магазине упала как минимум на два-три градуса. Он спокойно ответил на ее взгляд. Худая как щепка семидесятилетняя Грета в своем наряде в цветок выглядела так, словно собиралась испустить одобрителный свист, а Молли смотрела на парня такими глазами, словно он был вкусной долькой шоколада. Селина просто остановилась рядом с Седриком и, напряженно выпрямившись, смерила его взглядом. Забавно, ведь она всегда флиртвала с любым мужчиной, если ему было больше двадцати. Царственная осанка Селины не возымела ни малейшего действия на де Грея, и я усмехнулась.

– Саша, дорогая, – отвлекла меня Полли от этих двоих. – Неужели ты наконец-то сделала что-то запретное! Мы хотим знать все. Каждую крошечную, гнусную деталь. Ты знаешь, кто был твоим таинственным спасителем? Он хорош собой?

Я покачала головой.

– Не особенно, – ухмыльнулась я. – Но дама наслаждается и молчит. Ты сама внушала мне это.

– Не стоит воспринимать все так буквально. – Ее сестра-близнец Молли заключила меня в свои мягкие объятия, и я ощутила аромат вишневой настойки, которую тайно изготавливали эти двое. Хотя, учитывая то, что даже единственный офицер полиции Сент-Анн приобретал

у них этот напиток, секретность его производства была более чем относительной. – Мы ведь твои самые близкие друзья.

Я высвободилась из объятий Молли. Седрик по-прежнему стоял у входа. Его взгляд скользнул по стайке женщин, которые уставились на меня. Их разноцветные платья, буйные прически, растрепанные островным ветром, многочисленные серебряные украшения и впрямь могли натолкнуть любого непосвященного на мысли о том, что он имеет дело с ведьмами. Впрочем, этот молодой человек со стопроцентной уверенностью знал, с кем имеет дело. Тем не менее он хмурил лоб, словно размышляя, безопасно ли оставлять меня наедине с этими пятью дамами.

– Могу я представить вам Седрика де Грея? – удалось мне вклиниться в их болтовню. – Он всего несколько дней на острове.

Теперь все пятеро повернулись к нему.

Ни один мускул не дрогнул на лице Седрика – он лишь слегка наклонил голову.

– Дамы. Приятно познакомиться.

Вдруг произошло нечто крайне странное. Я была не в состоянии сделать мерцание своей души невидимым, но тут внезапно почувствовала, как другая Просветленная колдунья нащупывала кого-то своей энергией. Она тут же распространилась по магазинчику, и я не могла не заметить ее. Магия напознала на Седрика, как невидимые ленты. Тот стоял, невозмутимо прислонившись к дверной раме. Бедняга абсолютно ничего не замечал. Такие действия всегда казались мне непростительным посягательством на частную жизнь души, хотя считалось, что это служит защитой души Первоначальной.

Сперва Полли передернула плечами, и это заставило меня насторожиться. Потом Молли побледнела как полотно, улыбка Греты померкла, а Пенни сердито уставилась на Седрика. Только Селина никак не выказала своего удивления, но она всегда держала себя в руках, что бы ни происходило. В детстве я именно так и представляла себе Снежную королеву. Он и в самом деле заблокировал их. Вообще-то ничто из того, что он делал, уже не должно было удивлять меня, но я все равно покачала головой. Как у него это вышло? Проверять души других, выяснять, сколько им лет, и самое важное, насколько они созрели, было в порядке вещей для тех, кто причислялся к Просветленным. Ибо стремление к зрелости было первейшей задачей каждой души, для этого она должна была сталкиваться с проблемами и расти в них. Пенни выглядела наиболее пораженной, когда мерцание ее души ударило о невидимую стену, притом что она всегда была полюсом покоя и самой уравновешенной представительницей нашего маленького общества. Седрик впился в нее взглядом. Их немая дуэль, казалось, была заметна только мне.

– До свидания, – пробормотал он. Будто извиняясь, парень пожал плечами и наконец ушел.

– Великолепный экземпляр, – со знанием дела прокомментировала Грета, когда я вместе с ними проследовала в оранжерею. В этой жизни она уже свела в могилу пятерых мужей. – Будь я на несколько лет моложе, уж точно не упустила бы его.

Своим наигранно-безобидным замечанием она только укрепила мои подозрения. Почему никто из них ничего не сказал о необычной способности Седрика?

Полли хихикнула:

– Мне кажется, он отлично подходит Саше. Ты видела его глаза и эти мускулистые ноги? Они были бы такой красивой парой. Даже немного жаль, что...

– Шшш, – зашипела Пенни.

– Девочки, – хлопнула я в ладоши, призывая их к порядку. Седрик целиком и полностью не подходил мне и тем более не интересовался мной. – Вас бабушка ждет.

Понятно, что они задумали.

– Гены семьи де Греев всегда были высшего класса, – как ни в чем не бывало продолжала Грета, пробираясь мимо книжных полок. – Я помню одного из их предков. Надо заглянуть в Книгу Душ. Кажется, это была моя семидесятая жизнь? – Она, задумавшись, умолкла. – Я не уверена. Во всяком случае, те де Греи имели владения в Хайленде¹¹, и у нас с ним был бурный романчик...

Я прикрыла уши руками:

– Пожалуйста, без подробностей. – Странно, что Селина до сих пор не вмешалась в разговор. Загадка какая-то. Это ни капли не походило на нее.

– Нынешняя молодежь чопорна до невозможности, – пробормотала Грета. – Предок Седрика был столь же красив, как и он сам, и, конечно же, всегда носил килт. Действительно, жаль, что... – Она снова умолкла, едва встретившись с предостерегающим взглядом Пенни.

Чем старше становились все пятеро, тем чаще они говорили о своем прошлом, и под этим подразумевались не последние пятьдесят лет, а скорее, последние пятьсот. Казалось, им было абсолютно все равно, слушает ли их кто-нибудь. Их и так уже считали странноватыми, независимо от того, что они говорили. Но буквально только что Грета хотела произнести что-то, что, по мнению Пенни, я не должна была узнать. И я могла поспорить, что это что-то не имело никакого отношения к генам семьи де Грей.

Наконец я освободилась, оставив их в оранжерее одних, и вздохнула с облегчением. На какое-то время занятие любимым хобби должно было их отвлечь. Полли положила стопку пожелтевших фотографий на длинный стол и подошла к шкафу с канцелярскими принадлежностями. Вошла Мегги с подносом в руках, и комнату наполнил аромат чая Эрл Грей, сандвичей с огурцом и клея. Женщины приступили к работе над своими Книгами Душ. Слышен был только шелест бумаги, прорезавший тишину комнаты. Одна лишь Селина уселась в кресло и принялась листать газету. Мастерить и рукодельничать она не особенно любила, да и свою Книгу Душ никогда никому не показывала.

Для непосвященных эти книги были просто альбомами, в которых хранились фотографии и самые разнообразные сувениры. Это могли быть проштампованные железнодорожные билеты, засушенные под прессом цветы, входные билеты, осколки ракушек, ключи от давно заброшенных домов, обрывки обоев или тканей, карты тех мест, где они бывали, письма от родных и близких, выпавшие молочные зубы или локоны волос. Абсолютно не важно, что. Подходили совершенно любые предметы и вещи, если они привязывали душу к конкретной жизни. Женщины работали не только над своими Книгами Душ, но и создавали альбомы для обычных людей. Для обывателей эти альбомы, конечно, не имели такого же значения, и уж точно не становились магическими. И все же у нас отбоя не было от заказов. Многие туристы, замечавшие, что мы занимаемся скрапбукингом, отправлялись домой и привозили свои памятные вещи. Альбомы становились все более причудливыми. Бывало, один клиент заказывал свадебный альбом, тогда как другие хотели альбом с воспоминаниями о собственной жизни или о жизни своих детей.

Я проверила, не было ли новых посылок или писем, которые я могла бы внести в каталог. Я отвечала за распаковку вещей и регистрацию содержимого, дабы не производить путаницу. И в самом деле, почты было много, но сегодня я слишком нервничала, чтобы заниматься настолько однообразной работой.

Удивительно, что люди так стремились сохранять мгновения своей жизни, и я часто задавалась вопросом, что сберегли бы мои родители в память обо мне, если бы не умерли. Были ли у них вещи, которые напоминали им обо мне или о моих братьях? Я никогда не узнаю об этом. В ночь после аварии коттедж в Хайленде, принадлежавший нашей семье, сгорел до самого основания. Полицейские делали предположения, что пожар произошел по причине техниче-

¹¹ Хайленд – округ в Шотландии.

ской неисправности, но два несчастных случая за день для одной семьи – как-то многовато. Наш дом поджег Лазарь, в ярости от того, что не смог заполучить меня. Это счастье, что мои младшие братья в это время гостили у папиной сестры. Я никогда больше не видела их, потому что для мальчиков это было бы более чем небезопасно. Мой дар не должен был подвергать их опасности, и, хотя с тех пор прошло уже восемь лет, я все еще скучала по ним и часто спрашивала себя, помнят ли они меня. Адам – может быть, но Эндрю, конечно, нет. Бабушка всегда говорила, что душу человека можно узнать по его воспоминаниям, но я эти воспоминания потеряла. Во всяком случае, те, к которым можно было прикоснуться. Однако в моей голове они все еще были очень реальными. Думая о прошлом, я представляла, как мама сидит у моей кровати и читает мне истории из своей книги воспоминаний. Мама не была колдуньей, но бабушка все равно заполняла альбом памятными вещами ее детства и юности. И по вечерам мама читала мне короткие надписи, которыми бабушка сопровождала фотографии. Моей любимой историей было описание того, как мама познакомилась с папой, и хотя книга, как и все остальное в нашем доме, превратилась в пепел, я до сих пор помнила каждую деталь ее рассказов. Мои родители очень любили друг друга, и я часто спрашивала себя, каково было бы, если бы кто-то из них остался в живых. Продолжать жить, когда твоя родственная душа была мертва, представлялось мне сущим кошмаром, и я надеялась, что в другой жизни души моих родителей встретятся снова. Я питала надежды, что ту, следующую жизнь они проведут вместе, и ни один ребенок не уничтожит ее магией своей души.

От меня не ускользнуло, что бабушка и ее подруги сегодня были и вполнину не такими шумными, как обычно. Меня не покидало ощущение, что на это в большей степени повлияла встреча с Седриком де Греем. Но, конечно, пока я здесь, они не скажут о нем ни слова.

– Увидев их такими, ни за что не догадаешься, какой властью они обладают, правда? – Мегги с пустым подносом в руках остановилась рядом со мной. – Меня немного пугает перспектива стать одной из них. Вся эта ответственность...

До сих пор я считала, что Мегги воспринимала то, что вскоре станет Просветленной, как большое приключение. Но она, конечно, была права. Ведь задача Круга состояла в том, чтобы оградить Первоначальную душу от зла. И, по сути, это была вечная битва, в которой не могло быть победителя. Зло было такой же частью этого мира, как и добро. Они могли лишь обеспечивать равновесие.

– Они научат тебя всему, что нужно знать, – попыталась я успокоить ее. И в этом я тоже не завидовала ей. Предназначение Просветленных уже само по себе таило в себе множество опасностей.

Но если душа жила своей самой первой жизнью и к тому же обладала магией, она подвергалась еще большему риску, потому что силы этой души должны были впервые раскрыться полностью. А это, как правило, длилось несколько жизней. Мегги последовала за мной, когда я направились обратно в магазин.

– Ты уже достигла таких больших результатов, а на праздник Мабона получишь свою Книгу Душ, – попыталась я ее ободрить.

– Было бы здорово, если бы ты тоже присутствовала на церемонии, – почесала она себя за ухом.

– Ты же знаешь, что Селина этого не допустит.

Мы обсуждали это не в первый раз, и я совсем не горела желанием упрямить Селину.

– Тебе и впрямь стоит еще раз взвесить свое решение. Твоя магия могла бы сделать столько хорошего. В ту ночь, когда мы планировали праздник, здесь были две колдуньи, которые живут недалеко от Мон-Сен-Мишель¹². За последние три месяца они выследили и освободили девятерых Душелишенных. Они попросили у Селины подкрепления.

¹² Мон-Сен-Мишель – небольшой скалистый остров, превращенный в остров-крепость, на северо-западном побережье

– Девять Душелишенных? – недоверчиво спросила я. – В одной местности?
И совсем рядом с нами.

Мегги кивнула:

– Это говорит о том, что Лазарь стягивает туда свои силы. Они создают новых охотников, и им нужна пища.

Я с трудом сглотнула. Расстояние от крепости на побережье Франции до Олдрени по воздуху едва ли составило бы сотню километров.

Я занервничала, и магия отразилась в кончиках моих пальцев, которые начало покалывать. Я сжала руки в кулаки.

– Селина уже поговорила с Молли и Полли, и они смогут помочь Просветленным из Франции. Сама она хочет на пару дней отправиться в XII век, – продолжала Мегги. – Как думаешь, может, и я помогу им? После Мабона, я имею в виду.

Каким образом ее флирт с Ричардом Львиное Сердце мог быть важнее девяти Душелишенных в нашем времени? Я поджала губы. Со вступлением в Круг Мегги станет его полноправным членом и, соответственно, должна будет выполнять задачи, возложенные на Просветленных. Куда Селина отправит девушку?

– Ты еще не готова встретиться с Лазарем.

– Я и не собираюсь этого делать, но я могла бы помочь спасти нескольких Душелишенных, прежде чем они превратятся в охотников. Хоть что-то для начала.

– Я думала, тебе нравится жить у нас. – Я произнесла эти слова с большей укоризной, чем на самом деле следовало бы. Я так боялась за нее.

– Очень нравится. Я буду вечно благодарна твоей бабушке за ее доброту. Но если несколько из нас откажутся от своего предназначения, то равновесие может быть нарушено на века.

– Знаю, – отозвалась я. Неужели она считала, что я не говорила себе об этом уже тысячу раз? И все же я не могла поступить иначе.

Какое-то мгновение Мегги ждала, не скажу ли я еще что-нибудь, а потом, вздохнув, направилась на кухню. С книгой в руках я опустилась в потертое кресло у окна, откуда была видна дверь магазина, и бросила быстрый взгляд на улицу, в надежде еще раз увидеть Седрика де Грея. Но он уже исчез.

– Значит, оба де Грея на острове, – услышала я голос Греты, когда предприняла еще одну попытку сосредоточиться на книге. К сожалению, ее содержание после прочитанных очередных двух страниц так и не увлекло меня, поэтому я встала и сделала несколько шагов в сторону оранжереи. Подслушивать, конечно, некрасиво, но что еще мне оставалось?

– Понятия не имею, что им здесь нужно, – проворчала Пенни. – Неужели это действительно необходимо?

– Мы не могли этому помешать, и тебе это известно так же хорошо, как и нам, – отозвалась бабушка. – Надо было знать, что он разыскивает ее в этой жизни.

Я застыла как вкопанная. Из кухни доносился тихий звон посуды, и мне пришлось напрячь слух, чтобы разобрать следующие слова, потому что Грета понизила голос.

– Неужели они одни? А как же девушка?

– Пока здесь только два брата и их дворецкий. – Голос бабушки звучал обеспокоенно. – Но Арвин не придется долго ждать.

Я выглянула из-за угла. Так, значит, де Греев было двое. И еще девушка? И зачем им было знать, что Седрик будет искать меня в этой жизни? Таким образом, мое предположение, что мы с этим парнем были знакомы друг с другом, оказалось верным. Бабушка сосредоточенно

сложила бумажный конвертик, а затем наклеила его на подготовленную сторону декоративной бумаги. Мастерство создания альбома в технике скрапбукинга состояло в том, чтобы разместить как можно больше деталей на одной странице, не делая ее загроможденной. Бабушка в совершенстве владела этим искусством.

Неудивительно, если учесть, сколько жизней она уже успела увековечить в своей Книге Душ. В первой жизни своей души бабуля была кельтской жрицей и состояла в группе иммигрантов, переселившихся в Британию. Впрочем, в книгах отражалась не всякая жизнь Просветленных. Так, например, отсутствовали жизни, в которых они отвергали свой дар, или жизни, в которых им было суждено умереть еще в детстве. Наши тела были столь же уязвимы, как и тела других людей.

– Мы должны поговорить с ним и попросить его покинуть нас. Из-за него Саша подвергнется совершенно неоправданной опасности, – снова раздался голос Пенни.

– Он этого не сделает. Наше счастье, что он не появился здесь раньше. Я уже давно ожидала этого.

Селина прочистила горло, и я подалась вперед, чтобы точно разобрать, что она скажет дальше. Половица под моими ногами скрипнула.

Разговор мгновенно оборвался.

– Ты что-то хотела, дорогая? – позвала меня бабуля.

Мне не оставалось ничего другого, как войти в комнату. Колдуньи таили от меня какие-то секреты, чего никогда не случалось прежде, и теперь я казалась себе еще более отчужденной от них, чем раньше. Я могла бы поговорить с ними напрямую, но в этом случае мне пришлось бы выложить всю правду о той ночи с Седриком.

– Эмм... да. Я хотела спросить, может, мне стоит продолжить уборку?

Некоторое время назад я начала пересматривать глубокие ящики под книжными полками. Бабуля попросту не умела выбрасывать лишнее, и магазин уже трещал по швам. Это был сизифов труд, потому что вещей там накопилась уйма. Бабушка окинула меня тем самым взглядом, который раньше заставлял меня признаваться во всех моих маленьких шалостях. Должно быть, она поняла, что я подслушивала.

– Да, займись этим, детка, но я хочу видеть все, что ты выбрасываешь.

Это означало, что две трети всего этого мусора снова окажется в шкафах. Но с этим я могла жить. За прошедшие годы мы сделали огромное количество полезных вещей, в большинстве своем – из старых книг. Особенно популярны были садовые фонарики. Мы оборачивали вокруг стаканов страницы из старых книг и прикрепляли к ним бечевку. К ней крепились маленькие сердечки, ключики или другие безделушки, а в центр стакана ставилась свеча. Когда на Олдерни опускались сумерки, эти светильники можно было увидеть почти в каждом окне нашей местности. Для цветочного магазина Греты я складывала из книжных страниц бесчисленное множество конвертов, в которых женщина потом продавала семена своих цветов. Туристы были совершенно без ума от этого, и многие из них приходили потом в бабушкин магазин, интересуясь книгой, из которой был вырван лист, послуживший моей крестной конвертом. Так мы время от времени возвращали к жизни то или иное забытое произведение.

– Тогда я приступаю к работе.

Бабушка кивнула, Молли улыбнулась, а Пенни посмотрела на меня как-то задумчиво. Они что-то скрывали от меня, и я обязательно узнаю, что именно.

Петли первого ящика протестующе скрипнули, когда я потянула его к себе. Облако пыли и едкий запах, ударивший мне в нос, заставили меня чихнуть. Я осторожно извлекла из ящика книги, коробки со старыми, потускневшими украшениями, сломанные каминные часы, три коллекционные чашки и стопку фотографий. Среди книг я заметила *Над пропастью во ржи*, карманное издание *Скотного двора*, *Правила виноделов* Джона Ирвинга и еще несколько других романов, которые мне не были известны. Отряхнув книги от пыли, я отобрала те, что мы

могли бы продать, и отложила их в сторону. Коробку с украшениями я собиралась пересмотреть позже, в спокойной обстановке. Часы мог починить Питер – ему всегда нравилось заниматься такими вещами, а коллекционные чашки мне пришлось выбросить, потому что все они оказались разбитыми. Я перебрала еще два ящика, в то время как мои мысли вращались вокруг замечаний Седрика де Грея и бабушки. В промежутках между размышлениями я обслужила нескольких клиентов и рассортировала найденные книги по полкам. Итак, женщины знали Седрика, и он был здесь не один. Тогда им было известно и то, что он может сражаться с охотниками. Они не испытывали особенного восторга от его присутствия, но и не выказывали откровенной враждебности по отношению к молодому человеку, за исключением разве что Пенни. Если Седрик не появится снова, а я не без оснований опасалась, что это вполне возможно, мне, вероятно, придется самой разыскать его, чтобы он раскрыл свою тайну. Я была здесь для всех окружающих словно раскрытая книга. Но то, что я отказалась от своего дара, совсем не означало, что я не желала знать, что происходит вокруг меня.

Ночь выдалась крайне беспокойной. Я то и дело просыпалась, ожидая, что вот-вот увижу за оконным стеклом невидящие глаза и полые дыры вместо ртов. Магия пульсировала и покалывала в моей крови, но у меня не было возможности укротить ее. Пробежки и плавание на ближайшее время отпадали. Ночью, во всяком случае. Мне нужно было найти другой способ.

На следующее утро я вновь продолжила свою генеральную уборку. И вот в какой-то момент в каждом уголке магазина засияло и засверкало, и нигде не валялось ни единого, даже самого крошечного, клочка пыли. В конце концов, благодаря такой активности мне удалось избавиться от части своей плещущей через край магии, хотя теперь возникла опасность того, что наши, по своей сути, безобидные волшебные палочки благодаря передавшейся им энергии все же изобразят пару-тройку фокусов. К счастью, высвобожденная магия через некоторое время рассеялась.

Оставались еще украшения, найденные мною в первом ящике. Мы выложили на витрину несколько красивых антикварных вещей, и возможно, некоторые из них даже могли купить. Распутывая потускневшие серебряные цепочки, я постепенно ощущала, что мои мысли начинают успокаиваться.

Почему бабушка и другие колдуньи считали, что присутствие Седрика опасно для меня? Я не хотела, чтобы он исчезал. Не раньше, чем я поговорю с ним еще раз.

Когда мне удалось наконец вытянуть первую цепочку из серебряного клубка, в магазин, спотыкаясь, ввалился наш почтальон, Питер Кларк. Он принес с собой не только глоток свежего морского воздуха, но и изрядную порцию аромата виски. Закатив глаза, я покинула место за стойкой и пошла ему навстречу.

– Ты так еще работу потеряешь, – наставительно заявила я, снимая с его плеча сумку с почтой. К счастью, на этот раз она не успела побывать в луже. Уже несколько раз мне приходилось вскрывать чужие письма, чтобы просушить их. Неблагодарная работа. Я подвела Питера к стулу, на который он со стоном уселся.

– Что бы я делал без тебя, Саша? – вяло проговорил он, когда я поставила перед ним чашку с чаем.

– Я задаю себе тот же вопрос. Пора бы тебе забыть Викторию. Она тебя не заслуживает.

Питеру было двадцать три года, и я знала его с тех пор, как поселилась здесь. Столь же долго парень был влюблен в Викторию Сарк, самопровозглашенную первую красавицу острова. К нашему всеобщему удивлению, девушка действительно ответила на чувства Питера два года назад, поклявшись ему в вечной любви. Клятва продлилась ровно две недели, а потом она укатила в Австралию с серфером-блондином.

У Питера не было никаких шансов против этого накачанного мальчишка-плохиша. Всего несколько недель назад я получила от матери Виктории вест, что ее дочь беременна. Теперь

эта новость, по всей вероятности, дошла и до Питера. Неудивительно, что несколько дней подряд все почтовые ящики были пусты. Бедняга оказался полностью уничтожен.

Я опрокинула содержимое сумки на прилавок, совсем не стараясь прислушиваться к тому, что Питер рассказывал мне о своей великой вечной любви к Виктории. Эту литанию я могла бы повторить слово в слово, потому что слышала излияния почтальона уже не один десяток раз. Я скрупулезно сортировала письма по отсекам. Если уж мои сограждане не могли положиться на служащего Почты Великобритании, они, по крайней мере, не должны были разочаровываться в магазине бабули. Открытки для Молли отправились на полочку с буквой «Б», письмо Виктории к ее маме – в отсек с буквой «С», и в моей руке вдруг оказался розовый конверт, адресованный Седрику де Грею.

Я быстро огляделась, нет ли в магазине кого-нибудь, кроме нас с Питером, а потом понюхала конверт. От него слегка пахло духами. Это был не навязчивый запах, а совершенно невинный и безобидный аромат лимона и лаванды. И если до тех пор у меня еще оставались сомнения, от кого могло прийти это письмо, то они словно стерлись, когда я рассмотрела заметно изогнутые буквы, которые могла оставить только женская рука. Отправитель на обратной стороне не значился: всю площадь конверта занимала горизонтальная восьмерка. В желудке появилось какое-то неприятное, тянущее ощущение, но я проигнорировала его. Сегодня знак бесконечности был символом вечной любви, однако изначально он был опознавательным знаком Круга Просветленных. Он отождествлял собой тысячу жизней, которыми владела душа.

Неужели Седрик ждал именно этого письма? Не должна ли я была в таком случае попросить Питера отвезти его в форт Кеснард? Я взглянула на почтальона, но Питер уже уснул в своем кресле. Я тихо застонала.

Закончив с сортировкой писем и расчетами за день, я осторожно разбудила Питера.

– Отправляйся домой, – приказала, повесив пустую теперь сумку на его плечо. – И больше никаких посещений паба на сегодня. Выспись.

Питер провел рукой по волосам, от чего его рыжие пряди только еще больше спутались. Его голубые глаза печально смотрели на меня.

– Так и сделаю. Передашь Мегги привет от меня?

– Ну конечно.

Я посмотрела ему вслед. К счастью, Мегги не видела его таким. Она обычно терпеливо выслушивала его тирады и сейчас, наверное, в очередной раз высказала бы ему, что она обо всем этом думает. Куда она, собственно, подевалась? Обычно заглядывала в магазин намного чаще, но сегодня в задних комнатах было подозрительно тихо. Может, они с бабушкой практиковались в путешествиях во времени?

Я посмотрела на часы. Была половина четвертого, значит, до чая еще почти полтора часа. Я даже не заметила, как прошло время.

Измученная, я прислонилась к входной двери магазина и оглядела словно вымершую улицу: старинная мостовая из булыжника, разноцветные дома и две пятнистые кошки, которые сидели у своих кормушек на противоположной стороне дороги наискосок от меня. Мне были известны даже их клички. Печально. Иногда остров казался мне тюрьмой.

Вместо того чтобы продолжать сокрушаться о своей судьбе, я решила стать самой вежливой островитянкой в мире и по совместительству заместителем почтальона. Проще говоря, я решила передать Седрику де Грею его письмо. И может быть, только может быть, я смогу заглянуть в овеванный легендами форт Кеснард и узнать, что этот самый Седрик де Грей скрывал от меня. Я достала письмо из отсека, бросила его в корзину мятно-зеленого, немного помятого бабулиного велосипеда и отправилась в путь. К чаю я свободно успею вернуться, так что об этом визите никто не узнает.

Форт Кеснард располагался в самой северной оконечности острова, недалеко от залива Сэй Бэй. Это объясняло и то, как Седрик той ночью оказался на пляже. Сначала я ехала по главной дороге, а потом свернула на тропу, которая вела прямо к побережью. Окольный путь был длиннее, но я любила этот маршрут, потому что так можно было вдоволь налюбоваться видом на море. А может, это было связано еще и с тем, что я избегала проезжих дорог с тех пор, как произошел несчастный случай.

Ветер яростно свистел в ушах, нещадно теребя мою куртку и волосы, но я давно привыкла к этому. Спустя некоторое время в поле зрения появился маяк. А значит, я была на месте.

Форт был одним из четырнадцати оборонительных сооружений, возведенных королевой Викторией, опасавшейся французского вторжения. Она даже лично побывала на острове, чтобы проинспектировать ведение строительных работ. Наверное, французы до сих пор потешаются и злорадствуют над этим расточительством.

Когда я слезла наконец с велосипеда, мои волосы были в еще большем беспорядке, чем обычно, а щеки покраснелись. Я шмыгала носом, потому что платка, чтобы его вытереть, у меня не оказалось. Я одернула куртку, пригладила волосы, перебросила их так, чтобы они закрывали левую щеку, и, не дав себе времени передумать, направилась к входной двери. При этом мне пришлось пересечь мост длиной около двух метров, который вел через небольшой ров, окружавший замок.

Я опустила дверной молоток на темное дерево внушительной входной двери и вдруг растеряла всякую уверенность в том, что прийти сюда было хорошим решением. Седрик ясно дал понять, что не хотел видеть меня снова.

В худшем случае он решит, что я бегая за ним. Но, само собой, не это было причиной моих столь поспешных действий. Просто я была добросердечна и ответственна. Но, так или иначе, поворачивать назад было слишком поздно. Дверь уже отворилась, и на пороге стоял он. Еще более впечатляющий, чем я запомнила, одетый в белую рубашку, бриджи и сапоги. Седрик выглядел именно так, как мог выглядеть настоящий хозяин замка.

– Что ты здесь делаешь? – Он встряхнул головой, словно не верил своим глазам. – Ты что, приехала одна?

– На улице день. А охотники за душами охотятся только после захода солнца. К тому же ты не говорил, что мне нужно сидеть дома и днем тоже.

– И даже если бы я так сказал, ты все равно не послушалась бы.

– Конечно нет, – с уверенностью ответила я. Как ему вообще пришло в голову, что он может диктовать мне какие-то условия?

– Разве твоя бабушка и ее подруги не приказали тебе держаться от меня подальше?

– Зачем им? – лицемерно спросила я. – Ты ведь совсем не опасен.

Дьявольская усмешка расплзлась по его лицу, снова превратив его в пирата.

– Так значит, я безопасен, – тихо сказал он. – Если это так, то, может быть, ты войдешь? Седрик сделал шаг в сторону.

Его слова звучали так, словно он оставлял выбор за мной. И в самом деле, разумнее было бы отдать ему письмо и вернуться обратно. Но я была слишком любопытна. Поэтому я сделала шаг вперед и оказалась в длинном холле. В одной из дверей, выходящих в него, появился пожилой мужчина. Его волосы были белы, как луна. Идеально сидящий черный костюм и аккуратный галстук-бабочка составляли его наряд. Я вскинула бровь, вглядываясь в неподвижное лицо Седрика.

– Не поможешь нашей гостье снять куртку, Аллан? – вежливо попросил он, даже не представив мне этого мужчину. Кто в наше время вообще работал дворецким?

– Разумеется, сэр. – Этот Аллан терпеливо дождался, пока я расстегну молнию, и снял куртку с моих плеч. Розовое письмо я все еще держала в руке.

– Вот! – Я протянула Седрику конверт. – Вообще-то я приехала только из-за этого.

– Какое доброе дело совершает ваш почтальон сегодня днем? – Он взял письмо из моих рук и положил его на серебряное блюдо, стоявшее на антикварном комоде, словно оно было совсем не важным.

Я пожалела девушку, которая приложила к написанию этого письма столько усилий. Скорее всего, с ней он был так же нелюбезен, как и со мной.

– Понятия не имею. – Говорить ему о том, что Пит изнывал от любовных терзаний, мне было неловко.

– Может, выпьешь чашку чаю со мной и моими друзьями? Его только что подали, – к моему изумлению, спросил он.

– Это определенно звучит довольно безопасно. Если, конечно, ты не будешь бросаться кусками сахара.

– Лучше не вводи меня в искушение.

Сегодняшний мой образ, состоявший из рваных черных джинсов и черных же сникерсов, никак не подходил для официального визита на чай. Но ведь на мне была еще и белая блузка с броскими оборками на запястьях.

– Пожалуй, я все же рискну. И мне было бы очень приятно познакомиться с твоими друзьями. При условии, что они так же добры и вежливы, как ты, – еще немного подразнила я его.

Глаза Седрика потемнели, и он наклонился ко мне. Я почувствовала его губы на своей щеке, и на какую-то секунду у меня перехватило дыхание.

– О, они намного превосходят меня.

– Тогда они станут отличным дополнением к нашей островной жизни, – запинаясь, пробормотала я и осторожно отступила назад. – Мы довольно непредвзяты по отношению к незнакомцам, если они дружелюбны.

И не собираются похищать наши души.

Седрик шагнул в сторону, пропуская меня вперед.

– Посмотрим, – каким-то непостижимым тоном сказал он и повел меня в одну из комнат.

Войдя в помещение, я едва удержалась от того, чтобы не сделать книксен. Сцена, представшая передо мной, выглядела так, словно выпала из другого времени. Стены комнаты покрывали обои, разрисованные крупными желтыми цветами. У дальней стены в огромном камине, по обе стороны от которого висели картины в технике масляной живописи и головы мертвых животных, мерцал огонь. Огромные, до самого пола, окна, располагавшиеся напротив, открывали пространство с видом на скалы, на которых стоял форт. А еще множество книжных полок, диванов, кресел, подушек с кистями и бахромой и толстых персидских ковров. Королева Виктория чувствовала бы себя здесь чрезвычайно комфортно. У одного из окон стояли двое молодых мужчин, которые повернулись к нам, едва мы вошли в комнату, а на одном из диванов сидела самая красивая женщина из всех, что я когда-либо видела. Молодые люди были, должно быть, примерно одного возраста с Седриком, а значит, каждому из них было немногим больше двадцати лет. Насчет возраста женщины я не была уверена. Зато я с полной уверенностью могла сказать, с кем мне пришлось здесь столкнуться. Юноши определенно были Странниками. В отличие от Просветленных, Странники не рождались заново. Они просто были бессмертными. И для этого им даже не нужно было забирать души невинных. Им было достаточно энергии собственных душ. В какой-то момент душа Странника соприкоснулась с силой другого магического существа. Так гласила легенда. Это мог быть демон, джинн или ангел. Я не знала, что из этого было правдой. В отличие от нас, Просветленных, они не чувствовали себя обязанными защищать Первоначальную душу, и мне всегда было интересно, чем Странники занимались всю свою бесконечную жизнь. Очень ли невежливо было бы спросить их об этом напрямую? Вероятно.

Во всяком случае, душевная магия этих двоих была настолько сильна, что я ощутила пульсацию моей собственной энергии. Седрик успокаивающе положил руку мне на спину, что еще больше смутило меня. Прийти сюда было ошибкой. К сожалению, я поняла это слишком поздно. Трое незнакомцев внимательно разглядывали меня. Женщина морщила лоб, один из парней смотрел на меня с неодобрением, словно чувствовал, что я приду, и считал это особенно умным поступком, а второй ухмылялся во все лицо.

– Кажется, я выиграл пари, – сказал он. – Вы должны мне двадцать фунтов каждый.

Я нахмурилась.

– Добрый день, – невзирая на все это, вежливо поздоровалась я, стараясь взять себя в руки, чтобы не застыть от благоговения. Странники в возрасте нескольких веков встречались крайне редко, и даже если силы их казались непостижимыми, они в основном имели репутацию спокойных и мирных существ. Оставался вопрос, что им нужно было здесь, на нашем острове, и что за дела у них были с Седриком? И была ли эта женщина той самой Арвин, о которой говорила бабушка?

Позади нас кто-то кашлянул. Я двинулась в глубь комнаты, и каждый шаг неизбежно приближал меня к Странникам. Энергия моей души жаждала ощупать их; я нервно сжимала и разжимала кулаки, стараясь удержать ее в узде. Аллан с чайником в руках прошел мимо меня к маленькому столику.

– Могу я представить тебе моих друзей? – несколько запоздало спросил Седрик, подталкивая меня вперед. – Мисс Саша... – Он осекся. Видимо, ему пришлось в голову, что он не знает моей фамилии.

В какой бы жизни мы ни встречались, никогда нельзя было так просто узнать друг друга вновь, ведь, в конце концов, душа колдуньи рождалась в обычном человеческом теле и каждый раз выглядела по-разному, и имя в каждой новой жизни мы носили другое. Душа искала себе тело, а не наоборот.

– Салливан, – добавила я, и Седрик благодарно кивнул.

Приветливый юноша с темно-русыми волосами, на лице которого все еще сияла улыбка, слегка поклонился.

– Очень приятно, – сказал он, и в его взгляде проскользнуло любопытство.

– Это мой друг Фокс Макбейн, – сказал Седрик. Молодой человек был одет в темные брюки, классические туфли и белую рубашку.

О богатстве Странников ходили легенды, но этот носил дорогие вещи почти небрежно, словно не придавал большого значения тому, что на нем было надето. Небесно-голубые глаза Макбейна моргнули, и он снова изогнул губы в улыбке.

Черты лица второго юноши выглядели более аристократичными. Его смуглая кожа, гораздо темнее, чем у его друга, выдавала его арабские корни. Темно-карие глаза мерцали, вызывая в моих мыслях воспоминания о персонажах «Тысячи и одной ночи».

– Это Самуил Рафик, – представил его Седрик.

Фамилия Рафик действительно была арабской, но имя Самуил – еврейским.

Какой бы ни была история этого мужчины, она точно не могла оказаться простой. Он слегка поклонился мне.

– Салам алейкум¹³. – Его голос был тихим и теплым.

Я склонила голову.

– Ва-алейкум ас-салам¹⁴, – ответила я, выдавив едва заметную улыбку и пытаясь разглядеть крохотное пламя в почти черных глазах. Темная одежда сидела на нем идеально, и, в отли-

¹³ Арабское приветствие, укоренившееся в исламе и используемое мусульманами разных национальностей, его также используют арабы-христиане и арабские евреи. Эквивалент слова «здравствуйте».

¹⁴ Традиционный ответ на арабское приветствие.

чие от двух других мужчин, Рафик был одет в черную рубашку и черный жилет. На мизинце его правой руки, в которой он держал бокал с темно-красным вином, поблескивало кольцо с черным ониксом. Украшение явно было старинным. У Странников тоже были амулеты для души или кольцо было всего лишь памятной вещью?

Я переступала с ноги на ногу, потому что у меня в голове одновременно возникло слишком много вопросов, и я не знала, смогу ли удержаться, чтобы не выпалить их прямо сейчас.

– Рафик родом из Персии и происходит из семьи охотников за джиннами, – пояснил Седрик. Это, по крайней мере, отвечало на вопрос, кто сделал его Странником. – Он – Странник, как и Фокс, но это ты, конечно, уже поняла.

Не знаю, почему именно в этот момент я взглянула на женщину, но заметила, что та сердито потрясла головой. Ей не понравилось, что Седрик поделился со мной этой информацией. Страницей она определенно не была: от нее, как и от Седрика, не исходило никакой магии.

– Охотники за джиннами? – повторила я, размышляя над тем, что мне было известно о джиннах. Эти существа были якобы созданы из бездымного огня, так же, как люди – из земли, ангелы – из света, а демоны – из тени.

– Это было очень давно, – пояснил Рафик. – Я – последний представитель моей семьи. И уже давно не охочусь на джиннов.

– Вы их истребили? – поинтересовалась я.

Фокс тихо рассмеялся, а женщина, имени и сущности которой я до сих пор не знала, недоверчиво застонала.

– Джиннов, как и людей, искоренить невозможно, – терпеливо пояснил Рафик. – Они являются частью этого мира, и наша задача никогда не заключалась в том, чтобы убивать их, мы просто хотели, чтобы они делились с нами своими знаниями. Мы охотились за их секретами.

Снова я заметила крошечные вспышки пламени, и мою кожу начало покалывать. Странник с секретами джиннов. Я решила пока не продолжать расспросы о том, удалось ли им выполнить свою задачу мирным или воинственным путем, но я легко могла представить образ того, как Самуил, закутанный в черный костюм бедуинов, гнался за духами пустыни на арабском жеребце.

Седрик не сводил с меня глаз, когда снова вклинился в разговор.

– С моей стороны было невежливо не представить тебе вначале Клэр.

– Леди Клэр Шатильон, – поправила его женщина с величественным кивком.

– Она настаивает на своем титуле, хотя Наполеон лишил его их семью еще в 1809 году, – сообщил мне Фокс.

– Твои предки эмигрировали? – Вполне обоснованный вопрос, учитывая, сколько дворян бежало в Англию, спасаясь от гильотины.

– Oui¹⁵, – отозвалась она. – Немногие из моей семьи пережили этого выскочку Буонапарте.

Она, вероятно, намеренно произносила фамилию Наполеона на итальянский манер, потому что, скорее всего, никогда не считала корсиканца настоящим французом.

Я, конечно же, не стану называть ее леди Клэр. Женщина была одета в джинсы и обтягивающую белую футболку. Светлые прямые волосы доходили ей до самой талии. Кем бы она ни была, я могла не опасаться ее, если эти двое странников считали ее безобидной.

– Может, мы наконец что-нибудь съедим? – прервал церемонию знакомства Фокс. – Пирог Аллана выглядит просто восхитительно. Твой брат присоединится к нам?

– Вечно голодный, – Клэр неодобрительно покачала головой, в то время как взгляд ее серых глаз оценивающе блуждал по моей прическе, ненадолго задержался на щеке, а затем скользнул по моей одежде. – Кто бы мог подумать? – загадочно сказала она, когда юноши

¹⁵ Oui (фр.) – да.

ненадолго углубились в разговор. – Ты, оказывается, смелая. Не то чтобы это принесло тебе какую-то пользу.

Я не позволила Клэр запугать себя. Шагнув вперед, я села напротив нее на один из изящных диванов, который на самом деле выглядел так, словно был неспособен выдержать мой вес. Должно быть, по стоимости он равнялся всему имуществу нашей семьи. Седрик занял место рядом со мной, чем вызвал еще один неодобрительный взгляд Клэр в мою сторону. Подругами нам, наверное, не суждено было стать, да и конкурировать с ней я явно не могла. Клэр, бесспорно, была красавицей, и время не могло наложить ни единого отпечатка на эту совершенную красоту. Однако зазнайство и ограниченность тоже были свойствами, над которыми время было не властно.

– Чай? – раздраженно спросила она, совсем по-хозяйски, и когда я кивнула, наполнила мою чашку.

– Тебе тоже? – Она улыбнулась Седрику, а затем налила и ему.

– Я лучше возьму еще вина, – объявил Фокс. – Оно и впрямь превосходно. Аллан! – позвал он дворецкого.

Рафик только покачал головой.

– Бедняга уже совсем не молод, – упрекнул он друга. – Дай ему немного времени.

Фокс поднял руки.

– Ладно, ладно.

На столе перед нами стояли сервировочная подставка с сэндвичами и тарелочка с пирожными и сконами. Фокс перегнулся через меня, потянувшись за сэндвичем.

– Откуда вы знаете друг друга?

– Саша работает в магазине на Виктория-стрит, – опередил меня Седрик. – А встретились мы на пляже.

– А еще у Саши даже есть собственный голос, – приторно-сладко улыбнулась я ему. Хотя мне и было приятно, что он не упомянул о моей почти состоявшейся смерти, я пока еще могла говорить самостоятельно.

– Извини. Само собой.

Фокс весело рассмеялся, и я догадывалась, что Клэр снова пускает в меня невидимые стрелы. Рафик и Фокс, должно быть, поняли, что я такое. Если я ощущала их магию, то и они чувствовали мою. Обмануть Странников было еще сложнее, чем охотников.

Появившийся в комнате дворецкий прервал наш разговор.

– Я позволил себе принести еще один прибор, – пояснил он, опуская еще одну чашку на низкий столик рядом с Клэр. Я готова была поспорить, что это был тончайший китайский фарфор. В этом доме деньги действительно не имели никакого значения.

– Ты живешь на острове с рождения? – спросил Рафик.

– С тех пор, как мне исполнилось десять. – Я бросила три кусочка сахара в свой чай. – Раньше моя семья жила в Шотландии.

– И тебе нравится здешнее уединение? В Хайленде ведь куда интереснее, – вмешался теперь Фокс, в то время как Аллан наполнял его бокал. Макбейн благодарно кивнул старику.

– Я почти не помню его, – призналась я. – Я ни разу не покидала Олдерни с тех пор, как оказалась здесь, и никогда не возвращалась туда.

– И ты не умерла от скуки? – заметила Клэр. – Просто чудо какое-то.

При этом замечании Седрик напрягся.

– Тебе следует повежливее вести себя с нашей гостьей, – проворчал Рафик. – В конце концов, остров – это дом Саши.

– К тому же существуют и худшие причины гибели, чем смерть от скуки, – ледяным голосом заметила я. Этой высокомерной курице не удастся меня запугать.

Фокс ободряюще подмигнул мне. До сих пор из этих троих он нравился мне больше всего, тем более что и выглядел он самым безобидным. Если только Странника можно было назвать безобидным. Интересно, они объявились здесь из-за этих Душлишенных, которые творили свои бесчинства на материке? Если да, то что они делали на острове? В отличие от нас, Просветленных, у Странников не было предназначения.

– Так отчего тогда ты удосужилась явиться к нам? – невозмутимо продолжала Клэр. – Неужели Седрик при встрече произвел на тебя столь неизгладимое впечатление, что ты сломя голову бросилась за ним?

Я сделала глоток чаю и закашлялась. Седрик подал мне салфетку, а затем легко похлопал меня по спине. Мне потребовалось мгновение, чтобы ответить.

– Я принесла письмо. Он ждал его.

Во всяком случае, так думала я. Меня несколько смутило то, что Седрик даже не обратил на него внимания.

– Когда она придет? – в наступившей тишине спросил Фокс. Расслабленного молодого человека как не бывало.

– Не знаю, – без особого энтузиазма пробормотал Седрик. – Я еще не вскрывал конверт. Он лежит в холле.

Фокс выглядел так, словно хотел вскочить и принести письмо, но он сдержал свой порыв.

– Мы ждем ее уже несколько дней, – проворчала Клэр. – Почему она посылает только письмо?

– Скоро узнаем. Сейчас у нас гость, – резко отозвался Седрик.

За стенами комнаты слышались приближающиеся шаги, которые эхом отдавались от мраморных полов коридора. Такая уверенная походка не могла принадлежать молчаливому дворецкому. Я выжидательно подняла голову. Кто еще принадлежал к этому сборищу странных людей? Может быть, еще один Странник?

Мужчина, который как раз сейчас вошел в комнату, был высоким, не ниже ста восьмидесяти пяти сантиметров, и если бы я встала, то с моим ростом доходила бы ему максимум до широких плеч. Серебристо-голубой взгляд скользнул по мне. Парень был одет в черные брюки, черную рубашку с серебряными запонками, и мне обязательно нужно было перестать смотреть на него. Но я не могла, потому что он выглядел просто сногшибательно, даже с этой аристократически бледной кожей. Его небрежно причесанные волосы, которые создавали абсолютный контраст с его аккуратной одеждой, выглядели так, словно выгорели на солнце. Если бы здесь снимался фильм, то он должен был быть главным действующим лицом.

Седрик рядом со мной кашлянул, вырвав меня из этих мыслей.

– Это мой брат, Ной де Грей.

Молодой полубог сел на диван возле Клэр, и его полные губы скривились в отстраненной, холодной улыбке. Он и в самом деле выглядел сногшибательно, но эта улыбка почему-то делала его несимпатичным. Все остальное в нем было более чем великолепно.

– Привет, – представилась я, потому что Седрик больше ничего не сказал. – Я Саша Салливан.

Ной ответил лишь скупым кивком головы.

– Вы близнецы? – Между ними не было сходства. Глаза и волосы Седрика были намного темнее. Хотя на вид братья были приблизительно одного возраста.

– Нет, – ответил Седрик. – Ной – старше.

– Твоя работа продвигается? – вмешалась в разговор Клэр. – Или тебе нужна помощь?

– Это сложнее, чем я думал. Но я на правильном пути. Я не знаю... Я думаю... – Он провел рукой по волосам, чем взъерошил их еще больше. Потом сунул кусочек скона себе в рот.

Без топленых сливок и джема они показались мне суховатыми. Над чем он работал? Выглядел он, во всяком случае, как актер. Может быть, он репетировал новую роль?

– У тебя есть братья и сестры, Саша? – тихо спросил меня Седрик, и я не могла отделаться от чувства, что он хочет отвлечь меня от разговора брата с Клэр.

– Два брата. Они моложе меня на пять и семь лет.

– Вы близки?

– Нет, я не видела их уже восемь лет.

Вообще-то я никому этого не рассказывала, но он застал меня врасплох. Сначала я ужасно скучала по своим братьям, но всякий раз, когда я говорила кому-то, что родственники отца отказываются от контактов со мной, люди смотрели на меня с жалостью. И, в конце концов, я сохранила эту семейную тайну, как и все остальные, только для себя.

Прежде чем он успел опомниться, я потянулась за сэндвичем, чтобы отвлечься. Я была в смятении. Ни одна колдунья не сочла бы нахождение в одной комнате с двумя Странниками детскими игрушками. Моя магия все сильнее стремилась связаться с ними, и я изо всех сил старалась удержать ее в узде. Магия натывалась на невидимые стены внутри меня, которые я поддерживала с огромным трудом.

– Кем работают твои родители? – задал вопрос Рафик. Возможно, он хотел помочь мне выбраться из затруднительного положения. Но он только ухудшил ситуацию.

Я беспокойно заерзала на диванчике. Зачем я вообще сюда поехала?

– Мои родители мертвы, – выдавила я из себя. – Я живу с бабушкой и дядей. Он – пастор англиканской церкви. Приходите в воскресенье на службу, дядя Уилл наверняка будет рад вас видеть.

– Мило, но мы не принадлежим ни к одной из конфессий, – резко отозвалась Клэр и рассмеялась над моим предложением.

Я прочистила горло и нервно заправила волосы за ухо.

Слишком поздно я сообразила, что сделала, и вскочила, заметив потрясенный взгляд Седрика.

– Мне пора идти. Бабушка, наверное, давно меня ждет.

– Я провожу тебя до двери. – Он тоже встал. Внезапно Седрик снова стал казаться намного более отстраненным, чем прежде. Я уже знала об этой реакции на свои шрамы, но в мире существовали вещи, к которым трудно привыкнуть, как ни старайся.

– Приятно было познакомиться, – ободряюще добавил Фокс. – Заходи еще. Мы будем рады.

– Да, конечно. – Клэр надменно усмехнулась. – Это было очень занятно. Наедине друг с другом мы, знаешь ли, довольно быстро начинаем скучать.

– Может быть, и зайду, – отозвалась я. – А лучше ты заходи в наш магазин. У нас в продаже есть много интересных книг. К примеру, о хорошем поведении. – Я прикусила язык, чтобы не сказать лишнего, тогда как Фокс громко рассмеялся.

Седрик схватил меня за руку и потащил за собой из комнаты.

– Ты это заслужила, – услышала я голос Рафика. – Почему ты была с ней так груба?

– Такая наглость. Что эта крошка мнит о себе?

– Мне больше интересно, что с ней, – послышался голос Фокса. – Ты тоже заметил?

– Она накапливает в себе слишком много магии, – услышала я Рафика. – Ее способности сильны, но она не может их контролировать. Это плохо. Особенно в наше время. О чем она только думает?

Седрик, должно быть, тоже услышал их, потому что тотчас отпустил меня, словно обжегшись. Я скрестила руки перед грудью. Сейчас он задаст мне какой-нибудь неприятный вопрос.

Аллан уже стоял в коридоре с моей курткой. Либо он был самым внимательным дворецким в мире, либо ему не терпелось избавиться от меня, что мне было только на руку.

– Спасибо, что взяла на себя труд прийти сюда, – сдавленно сказал Седрик. – Тебе не нужно было этого делать.

– Я думала, что это письмо могло оказаться важным. Я не хотела навязываться. Извини.

– Ты не навязывалась, – ответил он значительно мягче. – А еще ты хотела осмотреть сад.

Парень старался быть милым, потому что его смущала собственная реакция на мои шрамы. Я уже знала даже это. Но у меня не было желания подвергать его допросу. Он ничего не сказал мне о себе, а теперь для этого было слишком поздно.

Знакомство с ним и его друзьями было полной противоположностью тому, чего я хотела от этой жизни.

Аллан открыл дверь. Начинался дождь, и я натянула на голову капюшон.

– Ты не можешь уехать сейчас, – сказал Седрик, опуская ладонь на мою руку. – В такую погоду ездить на велосипеде слишком опасно. Ты можешь потерять управление и упасть. Я отвезу тебя домой.

Начался такой сильный дождь, что едва ли можно было разглядеть дорогу впереди на расстоянии более одного метра. Но в моей жизни и так было достаточно людей, которые указывали мне, что для меня будет лучше, что я должна делать, а что – нет. Мне не нужен был еще один, и он сам, конечно, не нужен.

– Все нормально, – заверила я. – Я не сахарная, и до сих пор такого не случалось ни разу.

Его глаза при моих словах сузились в щелочки. Конечно, не многие люди противились ему.

– Прощай, Седрик де Грей, – тихо сказала я. – Я рада, что ты оказался в нужном месте и в нужное время, когда спас меня, но теперь ты можешь вернуться туда, откуда пришел.

К своему и его удивлению, я встала на цыпочки и поцеловала его на прощание в щеку. Он положил руку на мою талию. Этот жест не был собственническим. Седрик не притянул меня ближе, а только поддержал. Воздух вокруг нас сгустился.

На какую-то миллисекунду мы оставались в таком положении. А потом я совершила ошибку, снова взглянув ему в глаза. Мне хотелось запомнить это лицо. Я очень хотела бы знать, делили ли мы с ним когда-нибудь жизнь, были ли просто знакомы или, быть может, даже любили друг друга.

– Прощай, – ответил он, когда я отступила назад. – Лучше, если ты будешь держаться от нас подальше, – добавил он. – Но я останусь, пока не буду уверен, что с тобой ничего не случится.

– В этом нет необходимости. Круг в состоянии меня защитить.

Седрик смотрел на меня совершенно серьезно, и сначала я подумала, что он скажет еще что-то, но вместо этого он повернулся и оставил меня в одиночестве.

Покачивая головой, я направилась к велосипеду. Независимо от того, по каким причинам эти пятеро оказались на острове, меня это не касалось. У меня были свои проблемы. Когда-нибудь они исчезнут снова. Теперь, во всяком случае, было ясно, кто научил Седрика сражаться с охотниками за душами и кто показал ему, как блокировать чужую магию, что он с блеском продемонстрировал в нашем магазине.

По крайней мере, на два своих вопроса я получила ответ.

Я еще не преодолела крошечный мостик, а уже промокла до нитки. Тем не менее я взгромодила на свой велосипед и наперекор встречному ветру поехала домой. Седрик не оставил меня.

Глава 3

Олдерни, 1 сентября 2019 года

Настоящее

Иногда я спрашивала себя, как прошла бы моя жизнь, если бы мои родители не погибли. Бабушка любила меня, и, несмотря на это, мне все равно недоставало родителей, даже спустя столько времени. Я долго надеялась, что хотя бы папа мог остаться в живых. Я присутствовала на похоронах, но гроб отца, в отличие от могилы матери, был пуст. В те одинокие ночи, что я проводила без сна после их смерти, я часто думала о том, что могло с ним произойти. Я воображала, что папа скрылся от Лазаря и потерял память после случившегося, но как только ясность сознания к нему вернется, он меня найдет.

Сегодня, спустя восемь лет, я уже не питала этих надежд. В некоторые дни мне было легче пережить потерю родителей и обоих братьев, в другие – сложнее. Сегодняшний день был довольно тяжелым. Я, как и каждое воскресенье, внимательно слушала проповедь дяди Уилла, в то время как воспоминания из детства возрождались в моем сознании во всю силу. Я видела себя сидящей на кухне коттеджа, расположенного посреди Хайленда, где прежде жила моя семья. Летом окна всегда были распахнуты, и клетчатые занавески развевались на ветру. Легкий аромат вереска проникал внутрь, пока я наблюдала за мамой, которая порхала по кухне. Длинные рыжие волосы струились по ее плечам, окутывая стройную фигуру. Всякий раз, проходя мимо меня, она одаривала меня поцелуем или угощала кусочком булочки с корицей. Комната, как наяву, предстала перед моими глазами. Здесь я читала, делала домашние задания и играла с моими братьями. Мебель старая, но крепкая. Кухонные шкафчики мама выкрасила в мятно-зеленый цвет, а исцарапанная поверхность обеденного стола носила следы длительного использования. Повсюду стояли баночки с сушеными травами, а с потолка свисали связки грибов и перчиков чили. Эта комната со всем теплом, которое она излучала, знакомым запахом и голосом матери, была моим любимым местом в доме. И вновь события ночи, предшествовавшей аварии, вдруг с совершенной ясностью предстали передо мной. Я уже спала, когда меня разбудили голоса. Люди считали нас странными, поэтому гости редко бывали в нашем доме. До детских комнат доносились непонятные запахи, были слышны слова, и я внезапно ощутила, что замерзаю под своим теплым одеялом. Я заглянула к своим братьям, которые спали глубоким крепким сном, а затем по лестнице спустилась на кухню. Мама заплела мне волосы в две косички; я шла босиком, одетая в длинную белую ночную рубашку. Голоса на кухне звучали сердито. Я различила голос моего папы и еще женские голоса. Дверь оставили приоткрытой, и я заглянула в щель. У плиты стояла незнакомая женщина и деревянной ложкой что-то помещивала в сковороду. Она, должно быть, обжаривала травы, потому что запах был жуткий. У меня на глазах даже слезы выступили. Мама плакала, а папа держал ее за руку и спорил с незнакомой женщиной. Я толкнула дверь внутрь, и она закричала. Я хотела к своим родителям. Папа должен был взять меня на руки, отнести обратно в постель и рассказать мне сказку, как он делал всегда, когда я не могла заснуть.

Однако женщина, с которой спорил отец, внезапно повернулась ко мне, приветливо улыбаясь.

– Подойди ко мне, Саша, – попросила она. Я вопросительно посмотрела на папу и, увидев, что тот кивнул, приблизилась к ней. Незнакомок было двое, и обе они были одеты в диковинную одежду. Я никогда такой не видела. Да и волосы их были уложены как-то странно.

Сегодня мне было известно, что и платья, и прически женщин соответствовали моде XVII века. Одна из женщин опустила передо мной на колени.

– Добрый вечер, Саша, – сказала она. – Мы разбудили тебя?

Я кивнула и крепче прижала к себе плюшевого мишку. Вообще-то десятилетняя девочка, каковой я была, могла показаться слишком взрослой для мягких игрушек, но мне нравилось засыпать с одной из них.

– Мы этого не хотели, – продолжала она. – Я Селина Монтегю, а это – Мари Шатильон. Мы здесь, потому что беспокоимся о твоей безопасности.

Папа положил руку мне на плечо, и это прикосновение столь же успокоило меня, сколько и напугало.

– Мы заботимся о ее безопасности, – твердо отчеканил он. – Вы не можете забрать ее с собой.

В глазах женщины появилось выражение, которое я не могла истолковать. Сегодня, зная Селину, я бы охарактеризовала его как неодобрительное. С тех пор мне довольно часто приходилось видеть его.

Селина не любила, когда кто-то отказывался ей повиноваться. Она погладила меня по щеке.

– Я должна была хотя бы попытаться, – сказала женщина так тихо, что я едва расслышала эти слова. Потом она вздохнула и встала. – Душа Саши слишком ценна. Со мной ей было бы лучше. Я могла бы научить ее пользоваться своей магией. Для десятилетнего ребенка она проявляет себя слишком бурно.

– Мы все это знаем, – твердым голосом ответил папа, и они впились друг в друга взглядами. – Именно поэтому мы живем так уединенно.

– Мы отвезем ее к моей матери. Она присмотрит за ней, – вступила в разговор мама. – В другое время Саша не уйдет. Ни в коем случае. Мама будет знать, что делать. Или, может, еще существует какое-то правило Круга, которое мы нарушим этим?

Моя мама сама не была колдуньей, но она была дочерью одной из них и знала наши тайны почти так же хорошо, как мы сами.

– Малышка уже теперь беспрестанно перемещается в другие времена и не в силах это контролировать. – Мари, женщина у плиты, повернулась ко мне и приветливо улыбнулась. – По крайней мере, в этом я смогу тебе помочь.

– Я не хочу уходить, – писклявым голосом произнесла я, уцепившись за талию мамы.

Мари никак не отреагировала на мои слова, направившись со сковородой в руках к столу. Затем женщина вытащила из складок своего платья что-то блестящее. Некоторое время она сосредоточенно возилась, непрерывно что-то бормоча. Я не понимала, что именно она говорит, но мне в моем десятилетнем возрасте уже было известно, что она плетет защитные чары. Как только затихли последние звуки заклинания, Мари оказалась рядом со мной. В руке она держала цепочку, которую я носила с тех самых пор.

– Этот амулет – якорь для твоей души, – пояснила она. – Он свяжет тебя с этой жизнью, чтобы ты перестала совершать бесконтрольные скачки во времени и не потерялась в нем. Твоя бабушка научит тебя пользоваться своей магией. Ты обещаешь мне следовать ее указаниям?

Я кивнула.

– Хорошо. – Мари погладила меня по голове. – Твоя бабушка – очень опытная колдунья. Она научит тебя всему, что нужно знать для выполнения твоей задачи. Передавай ей привет от меня. – Она улыбнулась, но мне показалось, что эта улыбка выглядела грустной. – Увидимся в

другой жизни, – пробормотала она слова, которые члены Круга обычно произносили на прощание.

– Да будут благословенны твои жизни, – ответила я так, как меня научила бабушка во время одного из своих визитов.

Я бросила взгляд на Селину, которая больше не проронила ни слова, а потом обе женщины исчезли без следа. Бабушка уже переносилась в другое время на моих глазах. Но так легко у нее не получалось. Должно быть, эти двое прожили гораздо больше жизней, чем она или я.

– Возвращайся в постель, дорогая, – сказал папа. – Завтра отправляемся в путь.

– Я не хочу уезжать, – прошептала я. – Почему я не могу остаться с вами?

– Нельзя, – сказала мама дрожащим голосом. – Селина права. На острове бабушка сможет защитить тебя гораздо лучше, чем мы здесь.

Слезы стояли у нее на глазах, когда она поцеловала меня в лоб. Я вернулась в свою комнату, сердитая на этих двоих за то, что они не хотели меня оставить.

Кто-то плюхнулся на деревянную скамью рядом со мной, и воспоминания вмиг исчезли. Я неохотно повернула голову и заглянула в серьезные глаза Седрика.

– Прости, – сказал он тихо, без всякого приветствия. – Я не должен был бросать тебя на растерзание моим друзьям и брату. Клэр может быть настоящим зверем. Я хотел бы извиниться перед тобой за их поведение. И за свое тоже.

Ого, как неожиданно. Я недоверчиво прищурилась.

– Все в порядке, – ответила я. – Ничего страшного.

– Позволь мне все исправить, – прошептал он, положив мою руку в свою. С моим телом происходило что-то невообразимое. Прикосновение его рук было теплым и сухим, и я чувствовала себя так, словно мою кожу кололи тысячи иголок. К счастью, мне все же удалось подавить сияние своей души, которое уже начало танцевать танго в моем теле. Седрик придвинулся еще ближе, и теперь он сидел вплотную ко мне. Даже сквозь слои нашей одежды я ощущала его тепло.

– Тебе, наверное, скучно? – с подозрением спросила я. Разве он не должен был заботиться о леди Клэр или о девушке, которая посылала ему ароматные письма? Чего он хотел от меня? Куда подевалась его отстраненность?

Свободной рукой Седрик провел по волосам, и вдруг – совершенно неожиданно – мне показалось, что он выглядит неуверенным.

– Наверное, другого я и не заслужил, но, может быть, мы начнем все сначала?

– Ты хочешь спасти мою жизнь еще раз? – вскинула я брови. – Не стоит, но спасибо за предложение.

Молли и Полли, сидевшие в нескольких рядах перед нами, обернулись на шепот и вытирали глаза. Я не могла их винить. Был ли он таким широкоплечим во время прежних наших встреч или это эффект того плотного кашемирового свитера, который был на нем сегодня? Кто в его возрасте вообще носил такую одежду и почему Седрику она так необыкновенно шла? До сих пор я и не подозревала, что мне нравятся парни, которые столь тщательно подбирают одежду.

– Предлагаю пропустить тот эпизод и начать с этого момента. – Дотронувшись пальцем до моего подбородка, Седрик повернул мою голову к себе. Зеленый оттенок сегодня сиял ярче, чем обычно, что, безусловно, было связано с солнечным светом, проникавшим сквозь витражи церкви. Вся сила его взгляда обрушилась на меня, а потом губы Седрика прикоснулись к моей неповрежденной щеке. – Дай мне еще один шанс, – пробормотал он мягким голосом. – Мне правда очень жаль.

Мне стоило прогнать его. Это было бы разумно. Этого парня окружало слишком много тайн, которыми он явно не хотел со мной делиться.

– Хорошо, – услышала я свой голос. – Я прощаю тебя.

Он с серьезным видом взглянул на меня.

– Тебе стоило помучить меня еще немного. Я собирался упасть перед тобой на колени.

Именно так он и выглядел сейчас.

– Пол в церкви довольно жесткий, но, со своей стороны, я не против.

Седрик покачал головой:

– Оставим это на следующий раз. – Он немного помолчал. – Хотя мне вовсе не хочется снова ссориться с тобой.

– И часто тебе приходится извиняться перед подружками? – Наверняка все они прощали его так же быстро, как и я.

Наши переплетенные руки все еще покоились на его бедре.

– Послушаем, что он скажет. – Он снова не ответил на мой вопрос, кивнув в сторону дяди, о котором я совершенно забыла. – Может быть, это важно.

Наверное, так оно и было, но мне пришлось приложить немало усилий, чтобы сосредоточиться. И пока мы сидели и слушали проповедь, его большой палец нежно водил по тыльной стороне моей руки. Еще ни один парень никогда не держал так мою руку. Безумно приятное ощущение.

Сегодня дядя Уилл вещал что-то на тему лжи. Очевидно, худшим грехом было лгать самому себе. И в этом я стала чемпионкой мира. В течение многих лет я воображала, что шрамы на моей щеке – такая же неотъемлемая часть меня, как цвет моих глаз или локоны, с которыми невозможно было справиться. И они не должны были иметь никакого значения, потому что я не могла изменить то, что они у меня имелись. Но сейчас, когда Седрик держал меня за руку, я не желала ничего, кроме как избежать того несчастного случая. Шрамы абсолютно не были моей частью. Но с ними у меня не было никаких шансов против такой красавицы, как Клэр.

Проповедь закончилась, но мы с Седриком оставались на месте, пока церковь не опустела. Я подняла глаза только тогда, когда рядом с нами остановились Полли и Молли.

– Ты проводишь нас домой? – спросила Полли. – Селина ждет нас. Хочет попроситься.

А еще прочитать мне нотацию. Все это мне уже давным-давно было известно.

– Я сейчас приду. – В какое время она собиралась вернуться на этот раз? Селина была самой младшей из бабушкиных подруг. Ей не исполнилось еще и сорока пяти, но я не знала ни одной Просветленной колдуньи, которая совершала бы путешествия во времени столь же часто. Впрочем, Селина, как Глава Круга, выполняла и немало обязанностей. Но, к сожалению, она делала из всего этого чуть ли не государственную тайну.

Молли дернула сестру за куртку, и та бросила на Седрика строгий взгляд.

– Если ты не привезешь Сашу домой целой и невредимой, будешь иметь дело с нами, – к моему ужасу, объявила она.

– Да я и пальцем ее не трону, – ответил Седрик. – Со мной она в безопасности.

– Мы найдем тебя, Седрик де Грей, – продолжала Полли. – Не думай, что сможешь ускользнуть от нас.

Она была похожа на грозного гномика. Маленькая, с торчащими в разные стороны седыми волосами, в своем любимом красном пальто и таких же резиновых сапогах, и буквально только что я ее очень любила.

В ответ Седрик только склонил голову, и сестры в конце концов ретировались, пару раз оглянувшись на нас по пути.

– Они присматривают за мной, – извиняющимся тоном пояснила я.

Моя рука все еще была в ладонях у Седрика, и он не собирался ее отпускать. Я с заинтересованным видом рассматривала фрески на стенах церкви.

– Значит, мы снова друзья? – спросил он некоторое время спустя.

– Друзья, – чуть слышно ответила я. – Да, конечно.

– Может, мы немного пройдемся и ты покажешь мне остров? Конечно, если у тебя на сегодня нет других планов и если ты не хочешь попрощаться с Селиной Монтегю.

– Да нет, не особенно.

Имя Селины в его устах звучало так естественно, словно он был знаком с ней. Я могла бы спросить Седрика о ней, но что-то подсказывало мне, что ответов я все равно не получу. Похоже, мне придется раздобыть их где-то в другом месте. Так спокойно, как только могла, я поднялась, вытянув руку из плена его пальцев. Друзья не держатся за руки.

– Ты уже видел нашу железную дорогу?

– Еще не имел удовольствия.

– Тогда я покажу ее тебе. Это обязательный пункт программы. Даже королева Виктория и принц Альберт ездили по ней, – пояснила я, стараясь, чтобы мой голос звучал обыденно. – Ее протяженность составляет чуть менее двух миль, и, кстати, сегодня один из последних шансов в этом году, когда ее можно увидеть в действии. Она используется только до последнего воскресенья сентября. А потом – уже на Пасху.

– В это время меня уже здесь не будет, – тихо произнес он.

Я ожидала этого, и тем не менее слова Седрика больно кольнули меня.

– В таком случае тебе нельзя это пропустить.

Седрик последовал за мной. Когда мы остановились у лестничных ступеней, он предложил мне свою руку. Этот старомодный жест как нельзя лучше подходил ему. У любого другого парня это выглядело бы глупо. Улыбнувшись, я оперлась на его руку. Мы медленно пошли вдоль Виктория-стрит.

– Изначально железнодорожная линия строилась для того, чтобы доставлять в порт гранит, который был найден на севере острова, – объясняла я ему. – Сегодня она служит только для развлечения туристов. Это единственные пути, по которым осуществляется железнодорожное сообщение на Нормандских островах.

– Мой гид хочет мороженого? – прервал он меня. – Исключительно для того, чтобы во рту не пересохло?

– С удовольствием.

Каждый из нас взял по шарiku ванильного мороженого в брассери¹⁶ Джека, и мы направились дальше.

– Железная дорога находится в управлении Железнодорожного общества Олдерни, – сказала я, желая как-то заполнить тишину между нами. – Сейчас членами этого общества являются трое мужчин. Машинист, проводник и продавец билетов.

– Кажется, у вас, островитян, есть некая склонность к преувеличениям? – поддразнил меня Седрик. Он слушал меня так внимательно, словно я решила поведать ему о новаторском открытии. – Знаешь, вчера к нам и в самом деле зашел ваш почтальон. Он сообщил мне, что сегодня на стадионе Уэмбли¹⁷ состоится футбольный матч. Это немного сбilo меня с толку.

При этом его лицо обрело такое выражение, что я не смогла сдержать смех.

– Так они называют наше футбольное поле.

¹⁶ Брассери (*фр.* Brasserie – «пивоварня») – тип французских кафе. В прошлом веке французские брассери были излюбленным местом поэтов, художников, музыкантов. Меню или блюдо дня часто пишутся на грифельных досках.

¹⁷ Стадион Уэмбли – футбольный стадион, расположенный в Лондоне. Стадион был открыт в 2007 году на месте старого стадиона «Уэмбли». Старый «Уэмбли», известный также как «Эмпайр Стейдиум» (Empire Stadium), был одним из самых известных футбольных стадионов мира до момента его сноса в 2003 году.

– Я так и понял, сопоставив одно с другим. – Он вытащил из кармана брюк носовой платок, удерживая меня за руку. – Не двигайся, – потребовал он.

Я замерла, а он осторожно промокнул тканью уголки моего рта и вытер мои губы, стараясь не слишком приближаться к волосам, под которыми скрывались мои шрамы. Впрочем, не настолько осторожно, чтобы избавить меня от мурашек, которые пробежали по всему моему телу, едва только Седрик притронулся ко мне. Как ему это удалось?

– У тебя там было мороженое, – объяснил он, когда закончил.

– Обычно у меня получается есть, не пачкаясь.

Я сделала шаг назад. Я и правда росла в некоторой изоляции, но, конечно, время от времени встречалась с мальчиками. В основном это были те парни, что проводили здесь несколько дней на каникулах и пытались флиртовать со мной. Ни один из них не оказывал на меня такого воздействия.

– Хм. Не знаю, стоит ли мне в это верить.

Я не могла отделаться от ощущения, что Седрик видит во мне не женщину, а, скорее, маленькую девочку. Парень был любезен и извинился за поведение Клэр, но это вовсе не означало, что он был заинтересован во мне.

– Мы с дедушкой раньше часто устраивали соревнования по скоростному поеданию еды, так что теперь я могу испортить самое изысканное застолье.

Зачем мне вводить его в заблуждение? Мы были просто друзьями. Мне не нужно было производить впечатление на него, а ему – на меня.

– А теперь вы этого больше не делаете?

Я покачала головой:

– Он умер. Год назад. Наверно, мне стоило бы оставить это в прошлом, но, если честно, я все еще скучаю по нему.

– С близкими нам людьми всегда так. Мы никогда полностью не забываем их, и это хорошо. Они не умирают по-настоящему, пока память о них жива.

– Опять цитируешь философа?

Седрик покачал головой:

– К этой мудрости я пришел сам.

– Но ощущение утраты – это нечто иное, чем забвение, – возразила я.

– Это правда. Но разве ты предпочла бы забыть человека, которого любила, чтобы только потом не скучать по нему?

На мгновение я задумалась над его вопросом.

– Я никогда не думала об этом в таком ключе, – призналась я. – Нет, я не хочу забывать своего дедушку. Воспоминания, связанные с ним, слишком ценны для меня. Он научил меня плавать и нырять.

– Хотя на самом деле делать это у острова запрещено.

– Именно поэтому это воспоминание, которое я никогда не забуду.

Воспоминания питают наши души – так звучала одна из мудростей Круга. Именно поэтому Просветленные колдуньи фанатично придерживались традиции ведения Книг Душ. Будь у меня своя Книга, я сейчас могла бы проверить, когда мы с Седриком встречались прежде. Идея показалась мне заманчивой. Мы встали в очередь из ожидающих туристов и заняли в поезде два последних места. Поезд немного провез нас по городу, а потом направился через остров. На самом деле, ничего примечательного, потому что смотреть на острове было особо не на что. Маршрут, ведущий непосредственно вдоль побережья, был бы намного приятнее. И все же мне доставляло удовольствие сидеть рядом с Седриком и время от времени что-то ему объяснять. До конечной станции мы добрались слишком быстро. Он оказался у выхода первым и подал мне руку, чтобы помочь выйти и мне.

– Мы с тобой пойдем куда-нибудь еще?

– Да, конечно. Погода хорошая, и если нам повезет, то посмотрим французское побережье.

– Что ж, бросим вызов нашей удаче.

В свитере, джинсах и кроссовках он выглядел гораздо более расслабленным, чем в прошлый раз, когда его окутывала атмосфера замка.

Может быть, мне стоит просто пойти с ним на пляж. Его кожа отчаянно нуждалась в солнце. Однако такая изысканная бледность делала Седрика особенно аристократичным. Независимо от того, носил ли он кроссовки или сапоги, все в нем излучало элегантность, не подвластную времени, и он, казалось, был более чем уверен в том, какое место занимает в этом мире. Зачем он, собственно, на самом деле явился в церковь?

– Могу я тебя кое о чем спросить? – окинул меня Седрик изучающим взглядом.

– Разве я могу помешать тебе?

– Нет. Не думаю.

– Тогда спрашивай. Но я оставляю за собой право решать, отвечать тебе или нет.

– Тебе восемнадцать, и ты окончила школу. Почему ты работаешь в магазине своей бабушки? Почему ты все еще на острове?

Отчего он не спросит меня напрямую, почему я не охочусь на охотников и Душелишенных? Он же на самом деле хотел узнать именно это.

– Это хорошая работа, а бабушке нужна была помощь. Я люблю читать и знаю магазин как свои пять пальцев. Я провела там все свое детство, – честно ответила я.

– А как же твое предназначение? – Мне показалось или он произнес эти слова с рычанием в голосе? Я так и знала.

– Какое предназначение? – елеинным голосом спросила я.

– Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду. Селина Монтегю уже поручила тебе какую-то задачу?

– Интересно, а почему это мы постоянно говорим обо мне? А как же ты? Почему ты, твой брат и Клэр, и эти два Странника оказались здесь? Мне кажется, этот вопрос гораздо интереснее.

– Нам нужно привести здесь кое-что в порядок, и это требует моего присутствия, – едва слышно ответил он.

Что он возомнил о себе, он что, был сотрудником МИ-5?¹⁸

– Твоя гостья уже прибыла? – Я прикусила внутреннюю сторону щеки. Вообще-то меня это и в самом деле не касалось.

– Гостья? – Он, казалось, был сбит с толку. – Какая гостья?

– Женщина, написавшая письмо, которого ты ждал. – Любовное письмо.

– Ах, это, – сказал он как бы вскользь. – Нет, она придет только через несколько дней. Она не смогла сделать этого раньше. Когда ты будешь инициирована?

На этот вопрос я предпочла не отвечать, чувствуя, что мой ответ вряд ли придется ему по душе.

– Она твоя подруга? – спросила я так невинно, как только могла. Можно ли было вести себя еще более глупо? Мы задавали друг другу кучу вопросов, не ответив толком ни на один из них.

– Да, так и есть, – ответил он. – Но не в том смысле, как ты могла подумать. Она... скажем так, добрый друг семьи.

– И она посылает всем своим добрым друзьям письма, пахнущие духами, и рисует знаки бесконечности на обратной стороне конвертов? – Едва этот вопрос вырвался из моих уст, как мне больше всего на свете захотелось запихнуть его обратно.

¹⁸ МИ-5 – официально Служба безопасности – государственное ведомство британской контрразведки.

Он остановился и повернулся ко мне:

– А ты нюхаешь все письма, которые получаешь? Не сердись, но мне это кажется немного странным.

Мои щеки вспыхнули румянцем.

– Просто случайно заметила, – защищаясь, произнесла я.

Он наклонил голову и посмотрел на меня тем чересчур внимательным взглядом, который мне уже давно был знаком.

– Почему ты сама принесла мне письмо? Разве я не упоминал, что мы живем очень уединенно?

Ну. Почему? Я снова пошла вперед, ускоряя шаги, но его длинные ноги с легкостью догнали меня.

– Такая уж у нее манера писать письма, – объяснил он через некоторое время. – Это ничего не значит. Тебе не следовало приносить письмо. Я заехал бы еще раз.

На этот раз остановилась я.

– Извини, что навязалась.

Он разочарованно потер шею.

– Ты не навязывалась. Я был рад тебя видеть.

Ну конечно, а я умею летать.

Моя недоверчивость не ускользнула от него.

– Ее зовут Арвин Сильвер, и она девушка Ноя. Во всяком случае, когда-то она была ею. Давно.

– Когда именно? – спросил я, потому что уже устала от ничего не значащих слов.

Мне были нужны ответы. К сожалению, ему, по-видимому, тоже.

– Эти двое были влюбленной парой почти шестьсот лет назад, – осторожно ответил он.

Я прищурилась.

– И поэтому она сейчас присылает тебе надушенные письма? – Лучше бы мне не спрашивать. Вряд ли мне понравилось бы объяснение, которое он мог дать. Об этом я знала заранее.

Он глубоко вдохнул:

– А мы можем оставить в покое этот вопрос и просто провести вместе приятный денек?

– Нет, не можем. Ты должен рассказать мне, кто вы. Ты, Клэр и Ной. Что вы делаете здесь, на острове, и почему вы путешествуете со Странниками? Я всегда думала, что они ведут уединенную жизнь.

Седрик сунул руки в карманы.

– Я знал, что ты будешь задавать эти вопросы. Ты почувствовала их магию, не так ли? Вот именно поэтому ты и должна держаться от нас на расстоянии.

– Так же, как ты держался на расстоянии от меня?

Оглядываясь назад, я не могла не признать, что это было бы наиболее разумным для нас обоих. Но я не могла этого сделать, и он – тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.